

Глеб Васильев

СТАКАН

Глеб Васильев

Стакан

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Васильев Г. А.

Стакан / Г. А. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Родиться с хорошим стаканом на голове дано не каждому, вот и Халфмуну Полулунку не повезло. Название одно, а не стакан: крохотный, да еще и вверх дном перевернут. Вся жизнь наперекосяк из-за такого украшения. Что же делать молодому Халфмуну? Конечно, отправиться на поиски сумасбродных, странных и опасных приключений, в которых он не только узнает, почем фунт бобра уха, но и обретет настоящее счастье.

Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжёлый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Владимир Ульянов, «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина»

1

Рождение первенца в семье Мойры и Джебедаи Полулунков стало настоящим событием в городке Бобровая Заводь, про который говорили «обычно здесь происходит две вещи – либо ничего, либо совсем ничего». Младенец, нареченный Халфмуном, был вполне здоров, но имел очевидное уродство – стакан, растущий на его макушке, отличался размерами, слишком маленькими даже для новорожденного. Хуже того, стакан Халфмуна был перевернут кверху дном, и являл собой короткий закупоренный цилиндр из прозрачного стекла.

«Мда, не думал, что сын разочарует меня раньше, чем произнесет первое слово», – мрачно глядя на Халфмуна, сказал Джебедаи Полулунк. – «И в кого он только таким уродился?»

«Не говори глупостей», – ответила Мойра, баюкая дитя на руках. – «Посмотри, у него твои глазки и подбородок, а носик в точности, как у меня».

Джебедаи, по праву гордившийся венчающим его голову шестигранным стаканом – высоким, прочным и кристально чистым, не стал спорить с женой.

«Мы будем любить тебя таким, какой ты есть, маленький Халфмун», – Мойра нежно поцеловала мальчика в живот. При этом изящный хрустальный бокал на голове Мойры, благодаря которому она считалась одной из главных красавиц Бобровой Заводи, звонко стукнулся о стеклянный цилиндрик младенца.

Весть об уродстве отпрыска Полулунков быстро разнеслась по всему городу. Кто-то сочувствовал несчастью Мойры и Джебедаи, другие злорадствовали. Нашлись среди жителей Бобровой Заводи и те, кто углядел в появлении на свет ущербного младенца дурное предзнаменование, сулящее всевозможные невзгоды – от бобрового мора до конца света. Обсуждения возможных причин и последствий ущербности Халфмуна внесли разлад в привычный ход жизни. Из-за жарких споров стопорилась работа на бобровой ферме, а в кабаке «Два зуба» все чаще случались драки. Участником одной из таких драк стал Джебедаи Полулунк.

Зайдя после очередной утомительной рабочей смены в «Два зуба», чтобы выпить немного можжевелевой настойки, отец Халфмуна лицом к лицу столкнулся с завсегдатаем кабака – выпивохой и задирой Иеремией Вертопрахом. Тот, преградив Джебедае путь, сплюнул на пол и сказал с издевкой: «О, какие люди! Папаша перевертыша явился! Давно хотел тебя спросить, от чего такая забавная штука с твоим щенком приключилась? Из-за той безделушки, что у тебя в штанах, или ответ у Мойры под юбкой?». Джебедаи, уставший от насмешек больше, чем от работы, не проронил ни слова. Вместо этого он обрушил свой мощный кулак на темечко Иеремии Вертопраха, разбив вдребезги его грязный щербатый стакан.

Хуже порчи чужого головного стакана могло быть только убийство. Как гласила старинная поговорка Бобровой Заводи, «око за око, стакан за стакан». По делу Полулунок был собран суд старейшин – первый за многие десятилетия. Горожане гадали, какая кара постигнет Джебедаю за его преступление, ставшее еще одним большим событием, – изгнание, лишение стакана или же смертная казнь.

Представ перед судом, Джебеда был готов принять самое суровое наказание. Однако речь главы совета старейшины Агриппы Звездоврата поразила его, как и всех жителей Бобровой Заводи, присутствовавших в зале, сильнее любого приговора: «Молодой Джебеда Полулунок, мы все знаем, что ты сделал, и почему ты это сделал. Ни для кого не секрет, сколь дерзок и невосдержан на язык Иеремия Вертопрах. Также всем известно, что ты добросовестный работник, примерный муж и хороший человек. Но проблема не в Иеремии и не в тебе, а в твоём сыне. Из-за его врожденного порока под угрозой находится благополучие всей Бобровой Заводи.

Увы, людям куда милее чесать языками, чем работать. Заткнуть рты всем горожанам я не в силах, так же как не могу требовать, чтобы ты избавился от младенца. Тем не менее, я наделен достаточной властью, чтобы приказать молчать тебе, Джебеда Полулунок. Отныне тебе запрещается участвовать в каких либо спорах и разговорах, касающихся Халфмуна. Даже самые злые издевки тебе надлежит игнорировать со всем мужеством и хладнокровием, какие у тебя имеются. Это будет нелегко, но я уверен, что ты справишься.

Я достаточно стар и помню, как здесь, в Бобровой Заводи, где никогда ничего не происходит, кое-что все же произошло. И, можешь мне поверить, со временем любые происшествия утрачивают свою остроту, а болтать о них становится лень даже самому неутомимому сплетнику. Призываю тебя дождаться того времени, когда уродство твоего сына станет для всех таким же привычным явлением, как восход солнца.

Храни спокойствие и воспитывай сына в трудолюбии и скромности, чтобы он стал таким же достойным гражданином Бобровой Заводи, как ты. И еще – не забудь принести свои искренние извинения Иеремии Вертопраху. Теперь же ступай, молодой Джебеда Полулунок, да пребудет с тобой мудрость».

Когда Агриппа Звездоврат закончил говорить, по рядам собравших горожан пронесся возмущенный ропот: «из ума выжил», «беззаконие», «старый дурак», «нет оправдания», «он поплатится» – доносилось шипение из разных углов зала суда. Но только Иеремия Вертопрах с перебинтованной головой и горящими глазами встал со скамьи и во всеуслышание отчетливо произнес: «Я законопослушный гражданин и уважаю решение старейшин. Но если старейшины не могут защитить меня, я сделаю это сам. Берегись, Полулунок, и отпрыску своему вели беречься. Отмщение придет – не от меня, так от детей моих». Джебеда же, помня давнюю мудрость Заводи «от бобра добра не ищут» и следуя совету главы старейшин, извинился перед Вертопрахом за разрушенный стакан, после чего поспешил покинуть собрание.

Вернувшись после суда домой, Джебеда крепко обнял жену, впервые погладил по голове прильнувшего к ее груди сына и сказал: – «То, что находится внутри голов наших соседей, Мойра, в тысячу раз уродливее того, что растет на голове Халфмуна. Его жизнь в Бобровой Заводи едва ли будет простой, но это не должно помешать ему стать хорошим человеком».

Шло время, и, как предсказывал Агриппа Звездоврат, повседневные дела и заботы жителей городка постепенно стирали из их памяти события, следовавшие за рождением Халфмуна. Джебеда, как и большинство местных мужчин, продолжал работать на бобровой ферме, дававшей пропитание всем горожанам, а Мойра все так же шила одежду из бобровых

шкур для всех от мала до велика. В кабаке «Два зуба», как и десятки лет назад, люди собирались, чтобы промочить горло можжевелевой настойкой и обменяться байками об успехах на рыбалке, якобы виденных кем-то диких бобрах в два человеческих роста и другой ерунде. Старейшины тоже занимались привычными мирными делами – говорили прощальные слова у гроба, если вдруг приходил чей-то срок отправиться на тот свет, и поздравляли молодых, если кому-то случалось жениться. Единственным исключением стала свадьба Иеремии Вертопраха и косоглазой Марьяны Небосклон, на которую не были приглашены не только старейшины, но и вообще никто из жителей Бобровой Заводи.

Таинственное бракосочетание Вертопраха и Небосклон породило немало слухов и сплетен. Одни говорили, будто бы Иеремия зол на Агриппу за оправдание Полулунка, потому и нарушил традиции. Другие утверждали, что соблюсти свадебные традиции Вертопраху, чей стакан разбил Джебеда, не удалось бы и в присутствии старейшин. Ведь официально мужем и женой жених и невеста считались только после ритуала «Поения», в ходе которого они должны были напоить друг друга из своих головных стаканов медовой брагой. Вдобавок к этому, никто не понимал, с чего вдруг Иеремия вдруг приспичило жениться на Марьяне – кроме косоглазия природа наградила ее испещренным бородавками лицом, хромотой и горбом, а вместо стакана ее голову венчала кастрюля. Хоть Вертопрах и сам был далеко не красавец, рядом с Марьяной он казался образцом человеческого совершенства.

Как это часто бывает, обращая внимание лишь на внешность, люди не замечали, насколько добра, отзывчива и бескорытна была косоглазая Небосклон. Никогда и никому не могла она отказать ни в единой просьбе. Также не отказала она и Иеремии, который однажды пришел к ней и с порога потребовал стать его супругой. Еще с тех времен, когда он обладал стаканом, Марьяна жалела Вертопраха за то, что никто его не любит. Поэтому девушка согласилась на брак и искренне поклялась отдавать Иеремии всю заботу, ласку и любовь, что были в ее большом сердце.

Что касается Вертопраха, то любви он не понимал и никакой важности в ней не видел. Жена же ему требовалась для осуществления коварного плана. Иеремия рассчитывал, что Марьяна родит ему сына, который унаследует злость отца и бесовскую внешность матери. Своего сына Вертопрах собирался воспитать так, чтобы тот стал идеальным орудием для мести ненавистным Полулункам и превратил их жизнь в постоянный кошмар.

Но, как говорят старики, бобер предполагает, а фермер располагает. Косоглазая Марьяна Небосклон понесла от Иеремии и в положенный срок родила, но не сына, а девочку, к тому же лишенную каких-либо внешних уродств и с прелестной фарфоровой чашечкой на голове. Вертопрах был вне себя от ярости. Изрыгая потоки ругательств, он так поколотил Марьяну, что та едва не умерла. Разобравшись с женой, Иеремия хотел взяться за дочку и изуродовать ее собственными руками, но его остановила внезапная идея.

Вертопрах смекнул, что если из девочки вырастет красавица, то это не так уж плохо. Дьявольская злоба, замаскированная ангельской внешностью, таит в себе куда больше опасности. Волку в овечьей шкуре намного проще проникнуть в самое сердце овечьего стада и сгрызть его изнутри. А уж в том, что из собственного ребенка ему удастся сотворить коварного монстра, Иеремия не сомневался. Подумав, что кроме уроков ненависти, ребенку понадобится кормление и уход, Вертопрах поглядел на избитую окровавленную Марьяну и неспешно пошел за лекарем.

Как станут звать будущее чудовище, Иеремию не беспокоило, поэтому имя дочери выбрала Марьяна. Она назвала малышку Унией и дала ей свою фамилию – Небосклон. Будучи на год младше Халфмуна, Уния развивалась гораздо быстрее. Как только она научилась ходить, ей пришлось учиться бегать – от отца. Иеремия, завидев дочь, всякий раз норовил отвесить ей оплеуху. Если Унии не удавалось убежать или спрятаться, и она получала удар, Вертопрах

после этого говорил: «Больно тебе, малявка? Плохо, не нравится? Вижу, что не нравится. А знаешь, кто виноват, в том, что тебе больно? Проклятые Полулунки, особенно – Халфмун Полулунок! Он во всем виноват, да! Это урод-перевертыш заставляет тебя мучиться и страдать! Его ты должна ненавидеть и презирать!».

После отцовских уроков, избежать которых удавалось далеко не всегда, Уния находила утешение в объятьях матери. Марьяна умела подобрать ласковые слова и так поцеловать ушибленное место, что всякая боль тут же исчезала, прихватив с собой печаль и злобу. Уния становилась совершенно счастливой и до следующей отцовской экзекуции напрочь забывала обо всех Полулунках на свете.

Детские годы Халфмуна ничем не отличались от детства других мальчишек Бобровой Заводи. Он также гонялся за кошками, стрелял из рогатки, рыбачил и получал от отца наставления и советы по ведению бобрового хозяйства. Наказывали Халфмуна нередко, но всегда за дело – то отцовские часы разберет по винтикам, чтобы узнать, что там внутри тикает, то дырку в крыше дома проделает, чтобы на звезды смотреть.

О своем уродстве, дожив до девяти лет, Халфмун и не подозревал. Он видел, что у всех взрослых и детей на голове есть стакан, кружка, чашка или ваза, знал, что и у него есть головной стакан, и этого ему было достаточно. Разговаривая с сыном о головных стаканах, Джебедея настаивал лишь на том, что каждый из них уникален и ни в коем случае нельзя причинять вред чужим стаканам. Мойра о стаканах не говорила вовсе, и только целовала Халфмуна в его стакан перед сном, желая ему доброй ночи.

Однажды Халфмун выстрелил из рогатки жеваной бумагой в головную кружку соседского старика, желая напугать того шулки ради. Увидев это, Джебедея устроил сыну такую взбучку, что после нее Халфмун на рогатку даже смотреть боялся. Не меньше, чем понесенное наказание, мальчика впечатлило то, как старик отреагировал на его выстрел. Вместо того чтобы испугаться, сосед затрясся от охватившей его злости. Глядя через забор прямо в глаза маленького Полулунка, он прокаркал: «Проклятый недомерок перевертыш! Тебе бы, урод, твой стакан вместе с башкой расколотить – все равно и то и другое пустое!».

Тем же вечером за ужином Халфмун спросил родителей, что означает слово «перевертыш». Услышав вопрос, Мойра опустила глаза и молча вышла из-за стола, а Джебедея отодвинул тарелку и приблизил свое лицо к лицу сына. «Вот и настал этот день», – сказал Джебедея. – «Халфмун, тебе нужно усвоить одну очень важную вещь. Ты не такой, как все. Точнее, твой стакан – он отличает тебя от других. Я уже говорил тебе, что каждый головной стакан неповторим, но твой... Он ущербный, то есть, перевернутый доньшком кверху. Многим людям это кажется... неприемлемым. Не спрашивай меня, почему. Никто не знает этого. Особенно – те люди, которые так считают». Халфмун непонимающе уставился на отца. Помолчав, Джебедея продолжил: «Главное, что ты должен понять, – если тебя считают ущербным в чем-то одном, во всем остальном ты обязан быть безупречным. Тебе нужно стать умнее, сильнее, упорнее и порядочнее всех прочих. Потому что всем прочим, считающимся нормальными, простится любой грех, а тебе – нет. Чтобы достичь того, что нормальные люди получают легко и просто, тебе придется выигрывать бой за боем, доказывая, что ты этого достоин. Понимаешь?». Халфмун неуверенно кивнул и спросил: «А что получают нормальные люди?». Джебедея несколько секунд, не мигая, смотрел на сына, после чего расхохотался: «Отличный вопрос, Халфмун! Нормальные люди получают нормальную работу, нормальный дом, нормальную семью и право пригласить старейшин на свои похороны».

В тот же день, когда Халфмун узнал о том, что он ущербен, Уния получила от Иеремии особенно сильный удар в живот. Девочке показалось, что вместе с воздухом из нее вылетела жизнь, и ни вздохнуть, ни вернуть жизнь уже невозможно. «Если ты сдохнешь, знаешь, кто

будет в этом виноват? Халфмун Полулунок и его проклятые старики» – произнес Вертопрах, стоя над корчащейся на полу Унией.

Кое-как восстановив дыхание, Уния пришла к матери и, не дожидаясь утешений и поцелуев, спросила: «Кто такой Халфмун Полулунок? Почему он такой злой? Зачем он хочет, чтобы мне было плохо?». Марьяна улыбнулась и ласково обняла дочь, заставив ее боль исчезнуть: «Хорошие вопросы, Уния. Только, чтобы узнать ответы, тебе стоит задать их самому Халфмуну». Марьяна объяснила Унии, как найти дом Полулунок, и девочка помчалась туда, несмотря на поздний час.

После разговора с отцом, Халфмун сидел на крыльце, смотрел на звездное небо и размышлял о том, что услышал. Он ругал себя за то, что спросил у Джебедаи, что значит слово «ущербный», и теперь мучился догадками.

«Ты Халфмун Полулунок?» – Халфмун оторвал взгляд от неба и увидел, что прямо перед ним стоит девочка с чашкой на голове.

«Я. Чего тебе?» – проворчал Халфмун.

«Скажи, почему ты хочешь, чтобы я сдохла?» – спросила девочка, буравя Халфмуна взглядом.

«Я тебя знать не знаю. Как я могу чего-то такого хотеть?» – удивился мальчик.

«Меня зовут Уния Небосклон. Так зачем тебе нужны мои боль и страдания?»

«Говорю же тебе, Уния, ничего мне от тебя не нужно» – мрачно ответил Халфмун.

«Тогда... тогда... почему я должна тебя ненавидеть и презирать?»

«Ну... наверное, из-за того, что я ущербный», – Халфмун вздохнул. – «И из-за этого перевернутого стакана на голове».

«Ой, какой маленький и забавный!», – Уния подошла к Халфмуну и, хихикнув, дотронулась пальцем до его головного стакана.

«Сама ты маленькая и забавная!», – Халфмун отпрянул от Унии. – «И вообще, мой папа говорит, что нельзя трогать чужие стаканы».

«А мой отец говорит, что ты хочешь, чтобы я мучилась-мучилась и потом умерла», – Уния закатила глаза и вывалила язык.

«Враки все это», – Халфмун нахмурился.

«Если мой отец ошибается, то, может быть, и твой не во всем прав», – Уния села на ступеньки крыльца рядом с Халфмуном. – «Мне вот не кажется, что ты ущербный».

«Мне тоже... Только я не знаю, что такое ущербный», – признался Халфмун.

«Это значит – щербатый, покрытый выщерблинами. А у тебя никаких выщерблин нет», – уверенно сказала Уния. От ее слов мрачное настроение Халфмуна улетучилось, ведь никаких выщерблин в себе он и сам не видел.

«Уния, тебе нравится рыбачить?» – спросил он.

«Я никогда не рыбачила. Это весело? Расскажи!»

«Еще бы! Сначала нужно проснуться рано-рано, наковырять из земли червяков, взять удочку и отправиться на берег. Потом надо насадить червяка на крючок, забросить в воду и ждать, пока какая-нибудь рыба попробует его съесть. И при этом очень важно все время повторять «ловись рыбка – не бобер, ловись рыбка – не бобер». Если это не повторять, то можно поймать бобра, а за это мужики с бобровой фермы с тебя шкуру спустят. Так папа говорит... Пойдешь завтра со мной на рыбалку?» – последнее предложение вылетело изо рта Халфмуна неожиданно для него самого. До того всеми делами он занимался либо в одиночестве, либо вместе с отцом.

«С удовольствием!» – ответила Уния. – «Только... можно я не буду ковырять червяков и насаживать их на крючок? Я их боюсь и мне их жалко».

«Сразу видно – девчонка», – рассмеялся Халфмун. – «Конечно, можно».

Утром, как договорились, Халфмун и Уния отправились рыбачить. Они не поймали ни рыбы, ни бобров, но ничуть из-за этого не расстроились. Как говорили в семье Полулунков, улова нет – и хлопот на кухне нет. Весь день дети весело болтали, рассказывая друг другу все, что только приходило им на ум. Они повторяли шутки взрослых и смеялись, даже не понимая их смысла. На ходу придумывали свои собственные остроты и смеялись, даже если те получались совсем глупыми и несмешными. Халфмуну так понравилось проводить время вместе с Унией, что он предложил ей пойти с ним на рыбалку и следующим утром, а та с радостью приняла это предложение.

Вскоре дети стали проводить вместе все свободное время. Даже в те дни, когда Халфмун помогал Джебедае на бобровой ферме, он старался выкроить хотя бы час, чтобы встретиться с Унией. А Уния, сбегая от Иеремии или получив от него затрещину, мчалась теперь не к Марьяне, а к Халфмуну. Скрыть свою дружбу от родителей дети не пытались, да и едва ли это было возможно.

Прознав о том, что Уния водится с перевертышем Полулунком, Иеремия Вертопрах, считавший бескорыстную честную дружбу глупой выдумкой, возликовал. Он решил, что коварный план начал работать, созданный им монстр уже заманил жертву в ловушку и теперь выжидает время для нанесения наиболее болезненного и, в конечно итоге, смертельного удара... Правда, радость Иеремии не заставила его отказаться от избиения дочери. Согласно плану, на этой стадии рукоприкладство больше не требовалось. Но Вертопрах настолько пристрастился к домашнему насилию, что попросту не захотел лишаться себя этого, как он говорил, «маленького удовольствия». Марьяна, которой, как и Иеремии, не довелось познать дружбы, тоже радовалась. Ей было несказанно хорошо и легко на душе от того, что жизнь любимой дочери складывается лучше, чем ее собственная.

Джебедае отнесся к дочери Вертопраха с подозрением. Он прекрасно помнил обещание отомстить, данное Иеремией в зале суда, и ждал от Унии любой подлости. Чтобы защитить сына, Джебедае запретил ему общаться с Унией и в тот день впервые увидел Халфмуна плачущим навзрыд. «Боишься, что другие навредят нашему мальчику, а сам убиваешь его собственными руками», – сказала мужу Мойра. После часовых размышлений под аккомпанемент непрекращающихся всхлипываний Халфмуна Джебедае сдался. «Эта девчонка... как ее там? Агния? Ладно, не важно...», – с напускной небрежностью сказал старший Полулунок. – «Так вот, сын, таких девчонок у тебя в жизни будет еще миллион. Я понимаю, что для миллиона с чего-то нужно начать, и... Пусть для начала будет эта Унгия или как там ее звать. Только ты будь осторожен, а то мало ли чего. Вот... И еще – можешь ей передать, что если она хоть на миллиметр сподличает, то я ей лично ее чашку натяну на ее же... В общем, придумаю, на что, если только даст повод. Ты меня понял?». Халфмун радостно закивал, хоть и понял из сказанного только то, что суровый запрет снят.

С той поры Халфмун Полулунок и Уния Небосклон виделись каждый день. Они вместе ходили на рыбалку, охотились за прыгучими лесными грибами, купались в заводи, бессовестно пугая бобров, или валялись на лугу, разглядывая облака. Дни сливались в недели, недели – в месяцы, а месяцы – в года. Иеремия Вертопрах продолжал терпеливо ждать свершения мести, Джебедае Полулунок как и прежде с подозрением поглядывал на Унию, Мойра и Марьяна все так же любили своих детей, а Халфмун и Уния просто радовались жизни и друг другу.

Халфмуну Полулунку исполнилось восемнадцать лет. В этом возрасте все юноши и девушки Бобровой Заводи в обязательном порядке проходили курсы профессионального обучения, после которых сдавали экзамены. По результатам экзаменов определялось, для какой работы человек подходит лучше всего. В течение года Халфмуну предстояло попробовать себя в роли бобровода, рыбака, мясника, пасечника, портного и еще много кого.

В день начала учебы студенты собрались на главной площади Бобровой Заводи, чтобы послушать традиционную напутственную речь старейшины Агриппы Звездоврата. Хоть старик уже давно разменял девятый десяток, ораторских способностей он не утратил.

– Приветствую вас, молодые люди, вчерашние мальчишки и девчонки, – Агриппа обвел взглядом собравшихся. – Вы – кровь, сила и ум нашего города. Да-да, именно вы – каждый из вас, а не болтливые развалюхи, вроде меня. Сегодня начинается ваш путь во взрослую жизнь, и чем лучше будет ваша жизнь, тем лучше станет жить вся Бобровая Заводь. Помните, трудясь добросовестно и упорно, вы помогаете в первую очередь самим себе. Трудолюбие и порядочность сделают вас уважаемыми гражданами, которым будут рады в любом доме и в праздные дни, и в часы невзгоды. Кто-то из вас раскроет свой талант в заботе о бобровом хозяйстве – это хорошо. Кому-то лучше подойдет готовка можжевелевой настойки для жадных до нее завсегдатаев «Двух зубов» – и это не менее прекрасно. Не существует плохой работы, как нет дела хуже безделья. Никого вы не сможете очаровать или разочаровать сильнее, чем самих себя. Пробуйте все, что только можете попробовать. Испытывайте себя, экспериментируйте, откажитесь от любых предрассудков и никогда не говорите, хорошо ли, плохо ли, о чем-то, чего не испробовали сами. Не забывайте, голова дана человеку не для того, чтобы стакан носить. Рассуждайте, осмысливайте свои поступки, анализируйте их последствия. Проще говоря, думайте, что делаете, и тогда любое дело будет спориться в ваших руках.

На этом, пожалуй, я оставляю свои наставления, но скажу еще кое-что. Вчерашние мальчишки и девчонки, будущие мужчины и женщины, как же я завидую вам. Сейчас пора весны вашей жизни, все пути открыты перед вами и нет надобности доказывать, что еще не выжил из ума, толкая длиннющие речи, – Звездоврат усмехнулся. – Целый год вы будете учиться и работать бок о бок, найдете новых друзей и, может быть, даже повстречаете любовь. Как бы мне хотелось стоять сейчас не за этой трибуной, а на площади, среди вас... Кстати, что это вы все здесь до сих пор столбами стоите? А ну, кыш отсюда! Приступайте к занятиям, речь окончена! В добрый путь, и пусть он будет счастливым!

– Слышали, что сказал старейшина? За мной, студенты! Приступим к делу! – прокричал старший мастер бобровой фермы Богарт Пыльтуман. – Бобры ждать не любят!

Пыльтуман бодрым шагом двинулся в сторону заводи, на берегу которой располагалась ферма, и юноши и девушки нестройными рядами пошли следом за ним.

– А Агриппа-то, видать, совсем рехнулся. Важная шишка, а студентикам завидует, – слова прозвучали прямо за спиной Халфмуна. Оглянувшись, он увидел ухмыляющегося парня.

– Ладно бы он нормальным студентам завидовал, – продолжил парень. – Так Агриппа, если его послушать, был бы не прочь оказаться даже на месте этого уроды перевертыша!

Судя по раздавшимся смешкам, острота парня понравилась многим студентам. Взгляды всех, шедших рядом, устремились на Полулунку. Халфмун же от такой наглости растерялся.

– Я бы на месте старейшины лучше задумался о том, что на бобровую ферму таких вверх-тормашечных выродков пускать не стоит, – вдохновленный смехом публики, парень заговорил громче. – От вида его крохотулечного недостатка у бобров аппетит пропадет, или они сразу хвосты поотбрасывают!

Эта шутка вызвала уже массовый хохот.

– Если бы я был бобром, то... – следующую шутку парень закончить не успел, потому что прямо в его нос врезался кулак Халфмуна.

– ААААА!!! Пдокдятый субашедший удод! – завопил парень, прижимая ладони к разбитому носу. Халфмун знал, что удод – это такая птица, и ничего плохого в ней нет, но слова «пдокдятый» и «субашедший» показались ему явно оскорбительными. Поэтому он добавил парню еще пару ударов – в живот и челюсть. Парень, хоть и был намного крупнее Полулунок и выглядел довольно крепким, скуля, свалился на землю. Одна из девушек, увидев кровь, пронзительно завизжала. Кто-то закричал «Драка! Драка!». Процессия, следующая к бобровой ферме, остановилась.

– Это ты сделал бы, если бы был бобром? – Халфмун усмехнулся собственной шутке.

– Какого бобра здесь происходит?! – распахивая студентов, к Халфмуну и валяющемуся у его ног парню пробрался Богарт Пыльтуман.

– Урод бьет Дункана, – заявил шуплый прыщавый юноша с котелком на голове.

– Да, перевертыш первый начал! – донеслось из толпы. К этому выкрику присоединились и другие свидетели: – Он Дункану нос сломал! – Набросился на него, как зверь! – Дункан вообще ничего не делал, а урод его убивать стал!

– Какой бобер тебя укусил, а? – Богарт навис над Халфмуном и несколько раз стукнул пальцем по его стакану. – Ты вообще соображаешь, что творишь, недоносок?!

Через секунду Пыльтуман повалился рядом с парнем, шипя от боли и держась за пах, в который Полулунок нанес короткий и точный удар коленом.

– Не надо мой стакан трогать, – проворчал Халфмун. – И еще это... я не недоносок.

Когда Богарт Пыльтуман смог встать на ноги, лицо его и взгляд были преисполнены такой яростью и ненавистью, что Халфмун испугался за собственную жизнь. Студенты притихли, и даже Дункан прекратил подвывать, ожидая, что будет дальше.

– На сегодня занятия отменяются, – скрипнув зубами, сказал Богарт. – Все свободны, кроме тебя, ур... у... ученик. Отведу тебя к старейшинам, пусть они решают, как с тобой поступать. Но лично я отказываюсь тебя учить. И если хоть раз увижу тебя рядом с бобровой фермой, пеняй сам на себя – дух вместе с потрохами из тебя выколочу.

По толпе студентов пробежал вздох разочарования. Представление закончилось совсем не так эффектно, как они это себе представляли. Перешептываясь, юноши и девушки разбрелись. Двое парней подняли Дункана и, поддерживая его под руки, увели прочь.

– Молодой Халфмун Полулунок... Признаться, не думал, что так скоро снова увижу тебя, – Агриппа Звездоврат задумчиво теребил бороду. – У меня нет оснований сомневаться в правдивости слов Богарта Пыльтумана. Тем не менее, я хочу выслушать и твою версию данного прискорбного инцидента.

Под пристальным взглядом старика Халфмун чувствовал себя неудобно.

– Тот, который Дункан, обзывал меня по-всякому, и про вас сказал нехорошее – дескать, сбрендили вы или типа того. Пыльтуман тоже меня обозвал, да еще и стакан мой трогал. Вот и вся история, – пробурчал Полулунок.

– Допускаю, что ты говоришь правду, – кивнул Звездоврат. – Но скажи мне, разве Джебеда не учил тебя, что людям дан язык для того, чтобы на слова отвечать словами, а не кулаками?

– Отец меня учил, что нельзя чужие стаканы трогать.

– Это, бесспорно, верно, но... – старик задумался. – Но ответь мне, чего ты хочешь от этой жизни? Только будь честен.

– Нормальную работу, семью там, дом и это... – Халфмун запнулся. – Не знаю я. Знаю только, чего не хочу. А не хочу я, чтобы надо мной смеялись. И чтобы стакан мой трогали, тоже не хочу.

– Понятно, – кивнул Агриппа. – Что ж, пока что ты делаешь все, чтобы с тобой поступали именно так, как ты того не хочешь. Боятся ли люди бешеных бородавочников? Безусловно. Но уважают ли они их? Нет, люди бешеных бородавочников убивают, как только появляется такая возможность. Если ты, молодой Халфмун, будешь вести себя как бешеный бородавочник, никто не станет тебя уважать. Сегодня первый день учебы. И чего ты успел достичь? Того, что одна из самых уважаемых в городе профессий теперь не для тебя. Мастер бобровой фермы Пыльтуман неплохой человек, но обид он не забывает. Да и рыболовом тебе тоже не стать. Мастер рыбных дел Листрат Четвертьхвост, чьего сына Дункана ты так непредусмотрительно избил, едва ли примет тебя на службу. Надо бы тебя как-то наказать... Но, с другой стороны, ты уже сам достаточно наказал себя. Ступай с миром, молодой Полулунок, постарайся впредь соблюдать благоразумие и не уподобляться бешеному бородавочнику.

– Старейшина Звездоврат, но это ведь нечестно! – воскликнул Халфмун. – Словами обидными обзывают меня, смеются – надо мной, и наказан оказываюсь опять же я. Это все из-за того, что я ущербный?

– Мальчик мой, ты действительно наделен несколько э... – Агриппа наморщил лоб, подбирая нужное слово. – Несколько специфичным головным стаканом. Он привлекает к тебе излишнее и не слишком доброжелательное внимание, это правда. Но полноценная жизнь в обществе – это наука, которую тебе еще только предстоит освоить. Как только ты сам смиришься со своей э... особенностью, тебе станет легче ладить с людьми, и, возможно, когда-нибудь в будущем...

– Специфичный, особенный, наука жизни, когда-нибудь в будущем – хватит пустоportunей болтовни! Вы тоже считаете меня уродом! Так и скажите мне в лицо – урод, перевертыш, недоносок! – выпалив это, Халфмун с побагровевшим от обиды лицом выбежал из дома Звездоврата.

Как только Полулунок спустился со ступеней крыльца, что-то ударило его по ногам с такой силой, что он упал. Над Халфмуном нависли трое – Дункан Четвертьхвост с распухшим носом и синяками под глазами, и двое его приятелей. В руках каждый из них держал увесистую палку.

– Сейчас тебе, перевертыш, даже дряхлый маразматик Агриппа не позавидует, – поигрывая палкой, сказал Дункан. – Ну что, парни, преподадим этому выродку урок вежливости?

– Вежливости? Это, что, типа, руки надо перед едой мыть и все такое? – спросил один из приятелей Дункана.

– Не, вежливость – это когда там здэрасте-досвиданья говоришь, или спасибо-пожалуйста, – сказал второй.

– Заткнитесь и сделайте из него отбивную, придурки! – прорычал Дункан.

Удары градом посыпались на Халфмуна, и все, что он мог сделать, это поджать колени, защищая живот, и закрыть руками свой перевернутый стакан. Полулунок не знал, как долго продолжалось избиение, но удары иссякли, когда кто-то совсем рядом крикнул: – Эй! Оставьте его! Вот я вам сейчас всыплю!

С трудом приподняв голову, Халфмун увидел своего отца, кулаком грозящего вслед убегающим парням.

Джебеда Полулунок оказался возле дома старейшины Звездоврата неслучайно. Он пришел туда после крайне эмоционального рассказа мастера Пыльтумана о «достижениях щенка», чтобы своими руками свернуть Халфмуну шею. Теперь же, когда придушить Халфмуна можно было только из жалости, Джебеда на руках отнес его домой.

– Святые бобры, – увидев мужа и сына, перемазанных кровью и грязью, Мойра едва не лишилась чувств. – Как? Что? Почему?!

– Все в порядке, мам, – еле шевеля разбитыми губами, произнес Халфмун.

– Помнишь, Мойра, когда Халфмун родился, я сказал, что он меня разочаровал? – сказал Джебедея, продолжая держать сына на руках. – Но тогда я сильно ошибся. По-настоящему он разочаровал меня сегодня. Кого мы вырастили, Мойра? Неблагодарную тупую скотину. Мой отец работал на бобровой ферме, и мой дед трудился там же, и отец моего деда, и вообще все Полулунки. А Халфмун – он... он взял и наплевал на все это. Нет, хуже, чем наплевал! Он просто на...

– Джебедея, бобра ради, не время для легенд о династии Полулунков-боброводов. Скорее, уложи Халфмуна на кровать, а я позову врача.

– О, да, я знаю, кто виновен в том, каким стал Халфмун, – Джебедея не обратил на слова Мойры никакого внимания. – Это все девчонка Вертопраха, никаких сомнений. Это она испортила нашего мальчика. Я чувствовал, чем дело закончится, был уверен, знал и ничего не предпринял. О, горе мне! Бедный, наивный Халфмун, мой несчастный сынок, ты попался в ловушку злой расчетливой твари. Ее влияние отравило твою чистую душу, наполнило голову гнилью, а сердце – черной желчью. Но даю тебе слово, мой мальчик, я и Вертопраху, и его марионеточной дочурке головы поотрываю.

– Пап, – проговорил Халфмун.

– Что, сыночек?

– Пожалуйста, замолчи. И сделай, как мама сказала.

После осмотра Халфмуна врач сообщил, что, несмотря на множество ушибов, кровоподтеков и ссадин, кости юноши, за исключением двух треснувших ребер, целы.

– Говорите, его три человека палками избивали? – врач усмехнулся в седые усы. – Либо те трое были немощными младенцами, либо парень у вас крепкий, как гвоздь.

– Вот-вот, и такой же умный, как тот гвоздь, – проворчал Джебедея. – Так и будут его всю жизнь заколачивать, пока по самый стакан не заколотят. Сколько раз ему говорил, не зная бобров, не суйся в воду. Но нет же, он не отца слушает, а девку, которой только и нужно, что подвести его под плотину.

– Какой же занудой ты стал, Джебедея, – Мойра покачала головой. – Мальчишки всегда дерутся, это нормально. Делать в молодости глупые поступки – тоже нормально. И знаешь, что? Я сейчас же схожу и приведу Унию. А то ты на мальчика всех бобров повесил, да мрака нагнал. Нужно, чтобы кто-нибудь ему настроение поднял.

– Ты в своем уме, женщина? Врага в дом звать собралась, чтобы он у кровати нашего чудом выжившего сына радостно руки потирал?! Не бывать этому! – Джебедея стукнул кулаком по столу.

– Натуральный зануда, – вздохнула Мойра и пошла за Унией.

При виде побитой физиономии Халфмуна Уния расплакалась. Это был первый раз, когда Полулунок видел ее плачущей.

– Не реви ты. Врач сказал, жить буду.

– А если бы твой отец не подоспел? Если бы они тебя... – Уния не смогла договорить и разрыдалась еще сильнее.

– Если бы да кабы, то во рту росли бобры. Стало бы на свете одним ущербным меньше, подумаешь, велика потеря.

– Что ты такое говоришь, глупенький, – Уния прижалась щекой к лицу Халфмуна и зашептала быстро-быстро: – Ты не понимаешь, дурачок, ничего-ничего не понимаешь. Поду-

май о своей маме, о папе, обо мне подумай – у меня ведь, кроме тебя... Нет-нет, ни о ком не думай – о себе только подумай. Ты же хочешь быть счастливым, я знаю, и ты умеешь. А если будешь счастлив ты, то и все, кому ты дорог, тоже будут счастливы.

– Хватит. Надоело мне выслушивать, что я того не понимаю, сего не понимаю, что я дурак, остолоп и тупица, – Халфмун оттолкнул Унию и поморщился от пронзившей бок боли треснувших ребер. – Главное я уже понял – не будет мне ни счастья в Бобровой Заводи, ни нормальной жизни. Мне тут только оскорбления выслушивать можно, и ничего больше. Защищаться нельзя, обучиться и получить работу – тоже нельзя. Да и вообще, что это за место такое проклятое – Бобровая Заводь? Носятся все с этими бобрами, как будто на них свет клином сошелся. А то, что глава совета старейшин умом тронулся, вообще никого не волнует. И на то, что среди бела дня во дворе этого старейшины трое могут напасть на одного и забить его до смерти, всем тоже плевать. Зато все просто лопаются от счастья, тыча грязными лапами в мой стакан и обзывая меня уродом. Хочешь знать правду? Мне жалко, что те мерзавцы с палками меня не прикончили. Это бы разом избавило меня от всех проблем.

– Так что же? Иди к ним – тем мерзавцам, и пусть они выполнят твоё желание, – опустил глаза, проговорила Уния.

– Нет. Что я, бобер, что ли, тупой – самому на бойню идти?

– Халфмун, может быть, ты прав, а я – дура или сумасшедшая. Но я не понимаю, чего ты добиваешься, чего хочешь. Мне казалось, что я знаю тебя, а оказывается... Да, дура, беспросветная дура, – хоть глаза Унии и покраснели от слез, она смотрела на Полулунка, не мигая. – Но, похоже, только волшебство поможет тебе. Я думала, что между нами происходит нечто волшебное... Видать, ошибалась, глупая я девчонка.

– Какое еще волшебство, – фыркнул Полулунка. – Все знают, что рассказы о магии и волшебных фокусах – просто сказки для детей и умалишенных.

– Мама рассказывала мне, что далеко на севере живет волшебник. Он может исполнить любое желание человека, каким бы оно ни было.

– Чушь бобрячья. Выдумала все твоя мать от нечего делать. Иначе все бы только и делали, что к этому волшебнику на поклон ходили.

– Дойти до волшебника дано не каждому. Царство его находится в землях, навечно скованных льдом и укрытых непроходимыми снегами, – сказала Уния.

– Надо же, как удобно, – Халфмун мрачно усмехнулся. – Придумала баба волшебника-чудотворца, а чтобы вранье ее никто не раскрыл, загнала его в такую глушь, куда не проехать и не пройти.

– Не говори так. Меня обзывай, как хочешь, но маму не трогай, – твердо произнесла Уния. – Если тебе нужны доказательства – спроси у старейшины Звездоврата, от которого мама эту историю слышала. Ему единственному удалось найти волшебника. И еще...

– Что еще? – спросил Полулунок, но Уния, не ответив, вскочила с краешка его кровати и выбежала из дома.

Пока ушибы и ссадины Халфмуна заживали, он думал лишь об одном: что если волшебник, выполняющий желания, действительно существует? Тогда, преодолев любые расстояния, и справившись с какими угодно трудностями, Полулунок пришел бы нему и попросил исправить чудовищную несправедливость – свое врожденное уродство. Халфмун вообразил, как крошечный цилиндрок на его голове сменяется большим крепким стаканом, наподобие головной емкости Джебедаи, или даже еще более мужественным.

«С таким стаканом никто даже посмотреть на меня косо не посмеет, не то, что перевертышем обозвать, – фантазировал Халфмун. – Мастера всех ферм и хозяйств захотят, чтобы я работал именно у них. И отец меня зауважает, и все-все-все в Бобровой Заводи. Никто больше не пикнет, будто бы я дурак и ничего не понимаю. Хотя... бобру под хвост эту Бобровую

Заводь. Когда заполучу на голову великолепный стакан, смогу найти себе место получше этой дыры. Стану жить в какой-нибудь стране, где всегда тепло, на деревьях круглый год растут сочные плоды, в лесах полно дичи, кроме прыгучих грибов, а о вонючих бобрах никто в жизни не слышал. Нет, лучше я сам создам собственное государство, которым стану править строго и справедливо, и все подданные будут хвалить совершенство моего стакана, мудрость, силу и все такое».

Выздоровев окончательно, Халфмун первым делом отправился к Агриппе Звездоврату, чтобы проверить, не наплела ли ему Уния сказок.

– Старейшина, правда ли, что на севере живет всемогущественный волшебник, и вам повезло найти его? – не тратя время на приветствия, спросил Полулунок.

– И тебе здравствовать, молодой Халфмун, – кивнул Агриппа. – Прости старику невежливый ответ вопросом на вопрос, но скажи – зачем тебе знать то, о чем спрашиваешь?

– Старейшина, вам ли не знать – тут для меня западня, а не жизнь. Я для всех, как бельмо на глазу, как заноза или вредоносное насекомое. Меня такое положение не устраивает, и я готов избавить всех от своего присутствия. Я немедленно уйду, как только вы ответите на мой вопрос.

– Вижу, ты настроен решительно, и нет смысла отговаривать тебя, – Звездоврат пристально посмотрел на Халфмуна, и тот, не моргнув, выдержал тяжелый взгляд воспаленных глаз старика. – То, что ты слышал о волшебнике – правда. И я действительно знаю, где он живет.

– Подскажите же скорее, как и мне найти волшебника? – Халфмун с трудом сдерживал ликование.

– Ты обещал уйти после ответа на один вопрос, а это уже второй, – усмехнулся Звездоврат. – Ладно, так и быть, дам тебе ответ и на него. Каждую ночь примечай, где на небосводе восходит самая яркая звезда, а затем весь день следуй в том направлении. Если повезет, через тысячу дней и тысячу ночей звезда приведет тебя к цели.

– Спасибо, старейшина! – Халфмун бросился к выходу, но остановился на пороге. – Мастер Звездоврат... какое желание вы загадали, когда нашли волшебника?

– Совсем совесть потерял, нахальный мальчишка. Прочь отсюда, и свой третий вопрос с собой заberi! – прикрикнул Агриппа. – Да, и еще – счастливого пути и удачи тебе, молодой Халфмун Полулунок.

В тот же день Халфмун приступил к сборам. Мойра, узнав о плане сына, сперва кричала, а после плакала, упрашивая его остаться в Бобровой Заводе, но юный Полулунок был непреклонен. Тогда несчастная женщина обратилась за помощью к мужу, безучастно сидящему на крыльце и налаживающему бобровый манок.

– Джебеда, запрети ему, не пускай, в сарае запри, пока не одумается, – сделай хоть что-нибудь! – взмолилась Мойра. – Иначе пропадет наш сыночек, погибнет ни за что!

– Раньше запрещать и запирать надо было, – ответил Джебеда. – Теперь лучше помоги ему собраться.

Мойра настаивала на том, чтобы Полулунок взял с собой палатку, спальный мешок, складную лодку из бобровых шкур, переносной очаг с запасами угля, лопату, топор, две удочки, пять смен одежды, жидкость, заживляющую муравьиные укусы, справочник диких птиц и животных, энциклопедию ядовитых растений и стопку носовых платков.

– Мать, с этим добром наш сын и до околицы не дойдет, будь он даже силен как бык, – отложив манок в сторону, покачал головой Джебеда.

– А без него он пропадет. Это все вещи первой необходимости, каждая из них может понадобиться и спасти его жизнь, – твердо заявила Мойра.

– Помнишь старика Бугрохолма? Он всегда таскал на плечах деревянный табурет с испарпанной и покореженной седушкой. Рассказывал о том, что давным-давно, когда он был молодым, ему довелось охотиться в горах. Случился камнепад, и сохранить в целости стакан и голову Бугрохолму удалось только благодаря табуретке, которую он нашел и подобрал где-то у подножья. С тех пор он ни разу за порог своего дома не ступал без табурета над головой. Старик был уверен, что эта вещь, один раз спасшая ему жизнь, будет хранить его вечно. Припоминаешь, чем закончилась история старика?

– Да, – Мойра вздохнула. – Бугрохолм пошел в лес по грибы и зацепился там табуретом за ветку. Он дернул за ножки, чтобы высвободить табуретку, ветка отломилась и придавила старика. Вдобавок к тому, на ветке было гнездо диких пчел... Бедняга Бугрохолм.

– Поэтому дай-ка лучше Халфмуну в дорогу еды, сколько унесет, чтоб не сразу погиб. А там, если повезет, парень сам разберется.

В результате все походные вещи Халфмуна уместились в одной заплечной сумке, а на пояс Полулунок приладил нож с широким обоюдоострым лезвием – любимую вещь отца, подаренную им со словами «Кулаки с умом используй, а нож – когда ни на кулаки, ни на ум надежды не останется».

Перед сном, как советовал старейшина Звездоврат, Халфмун заметил самую яркую звезду, и утром, наскоро попрощавшись с родителями, отправился в путь. Покидая Бобровую Заводь, она зашел к Унии, но у дверей его встретил ухмыляющийся Вертопрах.

– Так-так, Халфмун в поход собрался, – Иеремия расхохотался. – Доброе дело для такого удалого молодца, как ты. И чем дальше поход, тем добрее. Скатертью дорожка, Полулунок, попутного ветра.

– Спасибо, – проворчал Халфмун. – Вообще, я к Унии пришел. Можно с ней поговорить?

– А о чем ей с тобой разговаривать, Полулунок? – Вертопрах изобразил удивление. – За каким бобром моей доченьке-красавице с перевертышем ласы точить? В уме ли ты, уродец? Топай, куда, собрался, а про Унию забудь – не для тебя такой цветочек вырос.

Халфмун ушел, Уния, запертая отцом в подвале, безутешно плакала, а Иеремия посмеивался, глядя Полулунку вслед и бормоча под нос: – Не забыть тебе ее, щенок, в жизни не забыть. До последнего своего вздоха, гаденыш, вспоминать ее будешь. Даже жаль, что недолго тебе дышать осталось, урод. Сыграла моя затея, одним проклятым Полулуном меньше.

3

Путь, указанный звездой, оказался непростым. Миновав окраинные хозяйства и домишки Бобровой Заводи, Халфмун уперся в болото.

– Дурацкая звезда, полоумный Звездоврат, проклятая Заводь, – выругался Полулунок. Он обернулся и с ненавистью посмотрел на крыши родного городка и дымок, выходящий над высоченной трубой мыловарни. – Думаете, я сдамся и вернусь, поджав хвост? Не дождетесь!

Халфмун, сжав зубы, пошел прямо через болото. Прыгая с кочки на кочку, то и дело соскальзывая, он вымок насквозь, с ног до головы перемазался бурой болотной жижей, дважды чуть не утонул, но, в конце концов, все-таки выбрался на твердую почву. Правда, от этого легче Полулунку не стало. Теперь он оказался в лесной чаще, продираться через которую было не проще, чем преодолевать болото.

После многих часов борьбы с цепкими ветками и сучьями, бросающимися под ноги трухлявыми пнями, залепляющей лицо паутиной и назойливой кровососущей мошкаррой, Халфмун увидел впереди просвет между деревьями. Выйдя на прогалину, грязный, замерзший, испара-

паннный и искусанный Полулунок выругался – перед ним в лучах предзакатного солнца поблескивала зловонная водица другого болота.

Прежде чем брать штурмом эту преграду, Халфмун решил подкрепиться. Вяленая бобрятина по-прежнему годилась в пищу, но раскисший от болотной жижи хлеб пришлось выбросить. После скудного ужина Полулунок прикинул, что оставшихся припасов ему хватит от силы на неделю, и приуныл.

От мрачных размышлений Халфмуна отвлек пронзительный визг. Из болота высунулась огромная клыкастая голова с налитыми кровью глазами. Через миг, вынырнув полностью, оглушительно визжа и разбрасывая мощными лапами комья грязи, на Полулунка мчался зверь, которого он узнал, хоть и не видел никогда прежде. Гигантский бобер, которого Халфмун считал выдумкой, размерами превосходил медведя и двигался с проворством белки.

Челюсти с длиннющими резцами клацнули в сантиметре от лица юноши. После этого бобер взвыл, захрипел и повалился на спину. После нескольких судорожных рывков, зверь распластал хвост и лапы, вывалил лиловый язык и затих. Страхнув оцепенение, Халфмун увидел, что из брюха чудовища торчит отцовский нож. Полулунок не смог припомнить, как он умудрился выхватить оружие и воткнуть его в бобра. Он не испытал ни малейшей радости от того, что опасность миновала. Единственное, чего захотелось Халфмуну, это убежать отсюда без оглядки, снова оказаться дома и навсегда забыть о том, что гигантские бобры-убийцы действительно существуют.

Вместо этого Полулунок отвесил самому себе пару сильных пощечин: – Соберись, тряпка! Не смей думать о возвращении. Лучше стать бобровым ужином, чем отступить.

Трясущимися руками Халфмун схватился за рукоятку ножа и дернул его на себя. Из раскрывшейся раны на него брызнул фонтан горячей крови.

– Ах ты так, скотина?! На, получи! – в ярости Халфмун всадил нож в грудь мертвого животного, вытащил и всадил снова, затем еще и еще раз. Он продолжал кромсать тело бобра, пока окончательно не выбился из сил и не упал в кровавое месиво.

– Будешь знать, как... со мной... свя... – прошептал Полулунок и уснул.

Утром Халфмуна разбудил громкий гул – в воздухе над ним, заслоняя собой солнце, вился рой жирных мясных мух. Точно такие же мухи облепили его лицо и руки, покрытые коркой запекшейся крови, как и истерзанного бобра, на котором он лежал. Вскочив, Полулунок, бросился к болоту и, сдерживая рвоту, принялся отмываться в затхлой стоячей воде.

Когда мухи потеряли интерес к Халфмуну и полностью переключились на тушу убитого им зверя, Полулунок схватил свою сумку, сунул нож за пояс и поспешил вперед через болото.

Трясины и топи на пути Халфмуна сменялись непроходимым буреломом, за которым вновь оказывались болота. Изредка слышались далекие визгливые крики гигантских бобров. Поначалу они заставляли юношу хвататься за нож и замирать, но к исходу третьего дня путешествия Полулунок перестал обращать на них внимание. Он сбился со счета, сколько болот осталось позади, и перестал думать о чем либо. Изнуренный Халфмун машинально переставлял ноги, когда это требовалось – пригибался, прыгал или плыл, следуя за звездой. Он шел днем, спал ночью, пил болотную воду и старался есть не чаще одного раза в сутки.

На шестой день пути запасы вяленого мяса иссякли. Заслышав знакомый визг, Халфмун пошел прямо на него. Спустившись с заросшего тальником холма, сквозь ветки кустов он увидел озеро и двух гигантских бобров на берегу. Животные стояли друг напротив друга, скалили клыки и визжали, брызжа слюной. Шерсть на их загривках стояла дыбом, а хвосты нервно молотили по земле. Неподалеку от них Халфмун заметил бобра поменьше – тот умы-

вался, облизывая лапы и тря ими морду, как будто яростный спор соплеменников его вовсе не касался. Халфмун смекнул, что это самка, и крупные бобры-самцы меряются резцами именно из-за нее.

Двигаясь как можно тише, юноша подкрался к самке сзади и вонзил нож между ее лопаток. Бобриха испустила дух, не издав и звука. Халфмун подхватил ее тело и вместе с ним скрылся в кустах, незамеченный самцами, которые так и продолжали визжать и скалиться.

До этого Полулунок никогда не приходилось есть сырое мясо, но сейчас выбирать было не из чего. Кое-как содрав шкуру с животного, Халфмун впился зубами в его ляжку и тут же позавидовал мухам – тем сырая бобрятина явно приходилась по вкусу. Мясо, хоть и было свежим, отчетливо отдавало тинной и гнилью.

Через силу набив желудок, Халфмун собрался идти дальше. Тащить с собой тушу не имело смысла – все равно мухи скоро доберутся до нее, и уже через несколько часов в мясе будут копошиться белые черви. Прежде чем продолжить путь, Полулунок выбил из пасти животного пару длинных резцов и убрал эти трофеи в свою сумку.

Ночью, не забыв приметить путеводную звезду, Халфмун попытался заснуть, но это ему не удалось. Живот, непривыкший к такой пище, болел немилосердно. Чтобы отвлечься от боли Полулунок попытался представить себе что-нибудь приятное, но перед его мысленным взором вставали плачущая Уния, печальная Мойра, нахмуренный Джебеда и ухмыляющиеся физиономии Дункана Четвертьхвоста и его приятелей.

– Оставьте меня в покое! – крикнул Халфмун, но едва он закрыл глаза, ему снова явилась вереница тех же лиц, к которым добавился еще и Агриппа Звездоврат с пристальным взглядом, полным неодобрения. Выругавшись, Полулунок вскочил на ноги, схватил сумку и, с шумом ломая сучья, ринулся в непроглядную ночную темень.

Не видя ничего дальше собственного носа, Халфмун чуть не сломал ногу, запнувшись о поваленное дерево, а одна из веток разодрала его висок, едва не выколов глаз. Но все это лишь больше злило Полулунока, заставляя его идти быстрее. Выбравшись на очередную прогалину, юноша подумал, что снова вышел к болоту или лесному озеру, и не поверил своим глазам. Перед ним раскинулась огромная долина, светящаяся в предзвездной темноте россыпью из сотен крохотных огоньков. Халфмун догадался, что это город, хоть раньше и вообразить не мог такого огромного поселения. В надежде, что ему наконец удастся помыться, высушить одежду, пополнить запасы еды и выспаться на постели, а не на голой земле, Полулунок зашагал навстречу огонькам.

Спустившись в долину вместе с первыми лучами солнца, Халфмун оказался на широкой дороге. «Добро пожаловать в Красвиль!» – гласила надпись на большом щите, возвышающемся на обочине.

– Спасибочки, – Полулунок кивнул щиту и ускорил шаг. Он никогда не думал, что можно получать удовольствие от такой простой вещи, как ходьба по ровной укатанной земле. Теперь же, когда под ногами были не коварные пни, кочки и чавкающая болотная жижа, Халфмун испытывал настоящее блаженство.

Просыпающийся утренний Красвиль вскружил голову Полулунока – в сравнении с ним Бобровая Заводь выглядела, как бурая жаба рядом с белоснежным лебедем. На просторных улицах, выложенных камнем, высились дома, каждый из которых отличался от всех остальных цветом и архитектурой. Тут были и башенки с остроконечными шпилями, и многогранные конструкции с узорчатыми окнами всевозможных форм, и даже дома, похожие на рыб, птиц,

коней, медведей и других животных. Редкие горожане, встречавшиеся Полулуноку в этот ранний час, были разряжены в яркие замысловатые костюмы, а на головах их красовались расписные вазы. В воздухе разносились ароматы цветущих садов, свежеевыпеченного хлеба и сдобы, от которых у Халфмуна потекли слюнки.

– Здравствуйте. Скажите, где здесь можно поесть? – Полулунок обратился к прохожему, который на ходу уминал очень аппетитно выглядящий пирожок. Прохожий остановился, смерил Халфмуна взглядом, презрительно скривился, бросил надкушенный пирожок на мостовую и пошел дальше, так и не проронив ни слова.

Доедая пирожок, Полулунок подумал, что мужчина, скорее всего, немой – потому и не ответил. А рожу соорудил такую, как будто тухлую пиявку проглотил, от того, что после недельного путешествия Халфмун действительно пах и выглядел не лучшим образом.

– Добрейшего утречка, – сказал Полулунок, увидев полную немолодую женщину с добрым лицом. – Я только что пришел в ваш город, и мне бы было в самый раз освежиться. Не подскажете, есть ли тут поблизости баня?

Женщина всколыхнулась всем пышным телом и, отворачиваясь от Халфмуна, поспешила прочь.

Полулунок пытался заговорить еще с несколькими горожанами, но ни один из них не снизошел до ответа.

– Вот тебе и «добро пожаловать в Красвиль», – подумал Халфмун, понуро бредя по купающейся в солнечном свете улице. – В Бобровой Заводи меня уродом считали, а тутешние щеголи вообще за пустое место держат.

– Стой, уродец! Куда это ты намылился? – услышав оклик за своей спиной, Полулунок обернулся и увидел в конце улицы трех парней. Не раздумывая, Полулунок побежал, но не от парней, а к ним.

– Не ваше бобрячье дело, куда я намылился, – прорычал Халфмун и с разбегу ударил одного из обидчиков ногой под колено. Второму достался мощный тычок в солнечное сплетение, а третий получил кулаком в нос. Все трое остались стоять на ногах. Секунду они с непониманием и обидой пялились на Халфмуна, а после расплакались, схватившись за ушибленные места.

– Благодарю за свое спасение, сударь. Я уж было подумал, что мне, так сказать, что-то вроде крышки, – рядом с Полулуноком невесть откуда появился длинный щуплый и сутулый человек болезненного вида с белым картонным стаканчиком на голове.

– Ничего, Базя, мы с тобой еще встретимся, уродец, – давась рыданиями, проговорил один из парней, глядя на человека со стаканчиком.

– И тебе, оборванец, тоже не поздоровится, – теперь парень обращался к Халфмуну. – Будешь знать, как в чужие дела вмешиваться.

– Так это вы не мне кричали «стой, уродец»? – растерянно спросил Полулунок.

– Ну ты и урод, Базя. Дружка тупее и грязнее никто кроме тебя найти не сумел бы, – всхлипывая, сказал второй парень, которому наконец удалось восстановить дыхание после удара.

– Точно, шваль к швали, – проскулил третий и перешел на крик: – Полиция, полиция! На помощь! Жестокое обращение с детьми!

Двое парней присоединились к воплям, призывающим полицию.

– Скорее, пойдем отсюда, – испуганно озираясь, сказал Базя. – Мне ведомо место, где можно спрятаться.

Ошарашенный произошедшим, Халфмун безропотно последовал за Базей. Свернув с широкой улицы, они прошли через замысловатый лабиринт переулков и оказались на берегу небольшой реки.

– Вот мое убежище, – Базя указал на горбатый мостик. Убедившись, что их никого не видит, он нырнул под мост и затащил Халфмуна за собой.

– Меня зовут Бальтазар Силагон, – гордо представился Базя. – Только не называй меня Базей – ненавижу это вульгарное прозвище. А ты кем являешься? Раньше я тебя в Красвиле не имел чести встречать.

– Я Халфмун Полулунок из Бобровой Заводи. Ты здесь живешь? – Халфмун поежился. Под мостом было грязно, пахло сыростью, а места едва хватало, чтобы вдвоем сидеть на корточках.

– Нет, конечно. У меня роскошный дом в самом центре города с лучшим видом из всех окон. Здесь я только прячусь от опасностей.

– И много в Красвиле опасностей?

– Для таких, как я, – на каждом шагу, – ответил Бальтазар. – Не появись ты, меня бы замочили.

– Как это – замочили?

– Мочилово – самое кошмарное, что только может быть, – Бальтазар задрожал, как осиновый лист. – Те дети собирались схватить меня и окунуть стаканом прямо в отхожее место.

– Кого это ты называешь детьми – трех здоровенных лбов, которым я навалил? – удивился Халфмун.

– Ну да – им же всего по двадцать лет.

– Что же, я, по-твоему, тоже ребенок?

– Не уверен, – всматриваясь в лицо Полулунка, сказал Бальтазар. – На тебе слишком много грязи.

– А ты знаешь, как по глазам определить возраст бобра?

– Н-н-нет, – ответил Силагон, вжав голову в плечи. – Ты ведь не побьешь меня за это?

– Не побью, Бальтазар, честно. Так ты хочешь узнать ответ?

– Н-н-нет, если честно.

– Чем дальше глаза бобра от его хвоста, тем он старше, – досказав любимую шутку своего отца, Халфмун рассмеялся, хоть раньше она ему и казалась совершенством глупости. – Догоняешь?

– Кого догоняю? Бобра? – Бальтазар нервно грыз ногти на дрожащей руке. – Я не знаю, что такое бобр... Только, пожалуйста, не бей меня.

– Видать, частенько тебя били, Бальтазар, что ты такой запуганный.

– Били? Нет, что ты, в Красвиле уже лет сто, как запрещено биться. Но натерпелся я за свои сорок лет сполна. Эти дети – они такие жестокие, – Бальтазар горестно шмыгнул носом. – Они обзывают меня и постоянно норовят забросить в мой головной стакан какую-нибудь гадость, вроде персиковой косточки или яблочного огрызка.

– Да уж, потрясающая бесчеловечность, – хмыкнул Халфмун.

– А один раз дети проткнули мой стакан булавкой, – не обратив внимания на сарказм Полулунка, Бальтазар показал пальцем на едва заметную дырочку в картонном стаканчике. – Видишь, каково мне здесь приходится? Нет, не выжить в Красвиле утонченной интеллигентной натуре.

– Что-то никак я в толк не возьму – что с тобой не так, Бальтазар? – Халфмуну начало казаться, что его собеседник попросту умственно отсталый.

– Так вот же! – Силагон щелкнул себя по стакану. – Мне не повезло родиться с таким вот стаканом. Взрослые горожане меня уважают за выдающие достоинства – это правда. Они так меня уважают, что даже дар речи при встрече со мной теряют и глаза отводят. А

глупые бессердечные дети – им же не объяснишь, что не стакан красит человека. Дети видят мой стакан и... и... Это кошмар, я больше такого не вынесу. Знаешь? Я даже думал о том, чтобы взять и утопиться прямо в этой речке.

– Да нормальный у тебя стакан, – Халфмун похлопал Бальтазара по плечу. – Ты на мой посмотри – вот уже где действительно уродство.

– Хм, действительно, уродливый... Только, пожалуйста, не бей меня. Твой стакан хотя бы стеклянный, а у меня – благородный, но крайне недооцениваемый картон. Это непонимание и издевательство со стороны детей ранит мою душу. Пожалуй, утоплюсь прямо сейчас.

– погоди ты топиться. Если хочешь, будет у тебя стеклянный стакан. Для этого всего-то нужно прогуляться на север до исполняющего желания волшебника. Какой стакан себе попросишь, такой он и сделает. Я, кстати, именно к тому волшебнику и направляюсь.

– Не шутишь? Это правда? – взволновался Бальтазар. – Я никогда не слышал об этом волшебнике. Донего действительно можно дойти?

– Путь, вроде как, обещает быть не слишком легким и безопасным, – Полулунок пожал плечами. – Но для тебя и в Красвиле опасность, как ты говоришь, на каждом шагу. Тебе же к трудностям не привыкать.

– Ты прав, Халфмун! – Бальтазар просиял. – В веселом этом месяце мае не время топиться славному Силагону. Чую, дорога манит меня на великие свершения. Отправляемся немедленно, прямо сейчас, нельзя терять не минуты! Мою светлую голову должен венчать достойный стакан!

– погоди. С такими вещами, как путешествия, торопиться нельзя, – заявил Полулунок. – Нужно собрать припасы в дорогу, выспаться хорошенько, помыться, поесть и отправляться в путь бодрыми и полными сил.

– Звучит вполне разумно, но... – Бальтазар замялся. – Где же мы сможем сделать все это?

– Твой роскошный дом, я думаю, подойдет как нельзя лучше.

– Нет, это исключено. Возле моего дома нас наверняка поджидают полицейские. Жестокое обращение с детьми – одно из самых серьезных преступлений.

– И что эти полицейские могут сделать? – спросил Халфмун, не имеющий о полиции ни малейшего представления.

– О, у них огромные полномочия, – глаза Бальтазара округлились от ужаса. – Полицейские могут заставить принести детям искренние извинения. Это верх унижения.

– Суровые правила в Красвиле, ничего не скажешь. Но не бойся, тебе-то полиция ничего предъявить не сможет, ведь это я жестоко с детьми обошелся. Ну и, как законопослушный человек, если меня полицейские прижучат, я готов понести заслуженное наказание, – сказал Полулунок. – Давай вылезать из-под этого моста, а то у меня ноги затекли.

– Но ко мне домой мы все равно пойти не можем. Потому что... ты слишком грязный для моего роскошного дома.

– Не испачкаю я твою роскошь, Бальтазар. Пойдем, хватит бобра за хвост тянуть, – Халфмун начал терять терпение.

– Нет-нет-нет, и не надо меня уговаривать, – Силагон затряс головой.

– Уговаривать? О, нет, что ты, ни в коем случае. Я просто поколочу тебя так, что ты навсегда под этим мостом останешься, – нахмурившись, Халфмун поднес кулак к носу Бальтазара. – Чувешь, чем пахнет?

– Да-да-да, конечно, – засуетился Бальтазар. – Идем скорее, время слишком дорого, чтобы тратить его впустую.

Дом, к которому Силагон привел Полулунока, даже по меркам Бобровой Заводы считался бы крошечным. При небольшом размере, внешне хибара в точности повторяла облик своего

хозяина – такая же серая, нескладная и сутулая. Никаких полицейских поблизости видно не было.

– Добро пожаловать в мой дом, – торжественно произнес Бальтазар, отворяя перед Халфмуном скрипучую дверь.

– Спасибо, – проворчал Халфмун. – Традиционная красвильская гостеприимность ужасно трогательна.

– Прошу уважать мое жилище и постараться его не пачкать.

Зайдя внутрь, Полулунок понял, что особых стараний ему прилагать не придется. Изнутри дом Силагона был в тысячу раз грязнее, чем снаружи. На стенах и потолке пушились ковры из многолетней пыли с разухабистыми вкраплениями плесени, а пол устилал толстый слой разнокалиберного мусора.

– Для уборной-то хоть в этом великолепии место нашлось? – оглядываясь, Халфмун подумал, что ночевка посреди болота или под тем же мостом была бы не так уж плоха.

– Разумеется. У меня одна из лучших, то есть – лучшая ванная комната в городе, – сказал Бальтазар и открыл заваленную хламом дверцу, из-за которой на Полулунока повеяло могильным холодом и запахом гнили.

– Определенно, путешествие на север покажется тебе детской забавой, – Халфмун с трудом протиснулся в узкий дверной проем ванной комнаты. Захлопнув за собой дверцу, он с удивлением обнаружил, что торчащий из стены краник способен выдавать горячую воду. Полулунок стащил с себя грязную сырую одежду и с наслаждением погрузился в ванну. Разомлев в тепле, изнуренный Халфмун закрыл глаза и тут же уснул. Во сне он видел весеннюю Бобровую Заводь и улыбающуюся Унию в венке из одуванчиков.

Проснувшись, когда вода в ванне остыла, Полулунок выстирал одежду и приступил к сборам. Разгребая завалы мусора в поисках чего-нибудь съестного, Халфмун наткнулся на картину в треснувшей раме. С картины на него смотрели три улыбающихся человека – высокий статный мужчина с хрустальным бокалом на голове, красивая женщина с изящной вазой и пухлый жизнерадостный мальчик, в котором Полулунок по головному картонному стаканчику с удивлением узнал Бальтазара. Счастливое семейство стояло перед ладным маленьким домиком, щедро украшенным изображениями экзотических цветов и диковинных животных.

– Давно ты переехал в этот дом? – спросил Халфмун.

– Ты о чем? Я тут живу с самого своего рождения, – ответил Силагон. – Раньше вместе со мной жили родители, но пять лет назад, в год моего совершеннолетия, они покинули меня.

– Мне очень жаль, Бальтазар, – проговорил Полулунок, чувствуя себя неловко от того, что затронул такую болезненную тему.

– А уж мне-то как жаль, – Бальтазар скрипнул зубами. – Эти подлые эгоисты купили дом в два раза больше, переехали в него, а меня оставили тут. Сказали, что я должен научиться заботиться о себе самостоятельно. А чему тут учиться? Самостоятельность у меня в крови. Нет дела, которое было бы мне не по плечу, и то, как я веду хозяйство в этом роскошном доме, отличная демонстрация моей зрелости.

Сложив в свою сумку все полезное для путешествия, что отыскалось у Бальтазара, Халфмун ладонью стер толстый слой пыли с оконного стекла, приметил на небе северную звезду и заново улегся спать. При этом он бесцеремонно занял единственную кровать в доме, а на многочисленные визгливые возражения Силагона ответил одной фразой: – Умолкни, пожалуйста, завтра у нас будет долгий трудный день.

Полулунок не ошибся – следующий день начался с трудностей. Кое-как заставив себя встать с кровати, он потратил немало сил и времени на то, чтобы разбудить свернувшегося на полу Бальтазара. Халфмун долго тряс того за плечи и кричал «подъем!», но Силагон вскочил на ноги, лишь услышав слово «полиция».

– Что? Где? Зачем полиция? Я ничего и никогда, клянусь! – бешено озираясь, бормотал Бальтазар.

– С добрым утром, – Полулунок впихнул в руки перепуганного Силагона свою дорожную сумку. – Пора в дорогу. Припасы будем нести по очереди – скажешь, когда устанешь.

– Я это... уже, – Бальтазар присел под весом сумки, его колени дрожали. Халфмун молча забрал у него сумку и вышел из «великолепного» дома.

Поначалу путь, указанный звездой, совпадал с одной из дорог, ведущих от Красвиля на север. Силагон был бодр и весел. Шагая налегке, он подобрал палку и, размахивая ею, как саблей, с задорным свистом кромсал растущие на обочине лопухи.

Через несколько часов дорога сменила направление на восточное. Халфмун, не колеблясь, сошел с нее и устремился через поле в сторону темно-зеленой полосы леса на горизонте.

– А по дороге никак нельзя дойти? – спросил Бальтазар.

– Можно. Но только не туда, куда идем мы.

Силагон начал ныть и хныкать, что устал, натер ноги, проголодался, хочет пить, есть и спать раньше, чем закончилось поле, и они с Халфмуном вошли под полог леса.

– Ладно, сделаем привал тут, – Полулунок уселся на покрытую изумрудным мягким мхом землю, достал из сумки мешочек с сушеными фруктами и протянул Бальтазару.

– Ты уверен, что мы не пропадем в лесу? – жуя яблоко, спросил Силагон. – От этой жуткой чащобы у меня мурашки по спине. А я, как ты мог заметить, не робкого десятка.

– Не пропадем, если трясины и гигантские бобры будут встречаться не слишком часто, – от слов Халфмуна Бальтазар побледнел, но ничего не сказал.

Забираясь дальше и дальше вглубь леса, Полулунок все больше удивлялся тому, насколько он отличается от тех зарослей, через которые ему пришлось продираться после ухода из Бобровой Заводи. Здешние деревья с толстыми, как колонны, стволами, были так высоки, что увидеть их кроны можно было, лишь запрокинув голову. За весь день на пути не попало ни одного куста, ловушки бурелома или трясины. Под ногами был все тот же упруго пружинящий ковер из мха. Но самым странным Халфмуну показалось совсем не это.

– Ты слышишь? – спросил он Бальтазара.

– Слышу что?

– Вот именно – тишина. Ни птиц, ни зверей, ни насекомых, даже шелеста листьев и скрипа стволов не слышно.

– Ты хочешь сказать, что... – Силагон, затравлено оглядываясь, вжал голову в плечи. – Что мы попали в окружение? Они притаились, чтобы напасть, когда мы не будем этого ждать?

– Брось, какие еще «они», – отмахнулся Полулунок. – Ты посмотри – тут кроме деревьев и мха вообще ничего нет. Видишь хоть одну травинку, ягодку или грибок?

– Нет. Значит, мы в безопасности?

– Надеюсь, что так оно и есть, – Халфмун погладил рукоять висящего на поясе ножа.

День за днем Полулунок и Силагон шли через лес, не встречая никого и ничего. Идти было легко и даже приятно, Халфмун почти научился не обращать внимания на жалобы Бальтазара. Каждый вечер перед тем, как лечь спать на мягкий мох, Полулунок забирался на

макушку дерева, над бескрайним недвижным морем крон находил взглядом звезду и успокаивался, что не сбился с пути. Без звездной подсказки он давно бы решил, что заблудился и бродит по кругу, настолько неизменным было лесное окружение.

Через неделю, как Халфмун ни пытался экономить припасы, еда и вода, взятые в Красвиле, закончились.

– Мы обречены! – горестно взывал Бальтазар. – Будь проклят тот день, когда я встретил тебя, лживый Полулунок. Я знал, что ты ведешь меня на верную погибель, но твои сладкие речи затуманили мой бедный мозг.

– Сладкие, говоришь? – Халфмун влепил Силагону отрезвляющую пощечину, а после еще одну: – Это тебе за лживого Полулунка.

– Давай, забей меня до смерти – уж лучше так, чем сгинуть от голода и жажды, – взвизгнул Бальтазар и горько разрыдался.

– Плачь-плачь, расходуй воду на слезы и сопли, – проворчал Халфмун.

– У нас нет ни единого шанса выбраться отсюда, – всхлипнул Силагон, но плакать перестал.

– Да что ты говоришь. Гляди, – Полулунок оторвал от земли большой пучок мха и крепко сжал его в руке. Из кулака тут же засочилась влага. Халфмун слизнул проступившие между пальцев капли: – Немного горчит, но это лучше, чем ничего.

– А вдруг мох ядовитый?

– Скоро узнаем, – Полулунок равнодушно пожал плечами. – Я буду пить моховой сок, а ты смотри – если до завтра со мной ничего не случится, то не ядовитый.

– До завтра? Ну уж нет, – Бальтазар принялся рвать мох и мять его в ладонях, но как он ни старался, ему не удалось выжать ни капли сока. Вздохнув, Халфмун взял флягу, за час наполнил ее моховой жидкостью и протянул Силагону: – Пей. Только если еще хоть раз разревешься, сам будешь воду добывать.

Решив проблему с водой, Халфмун попробовал утолить голод с помощью того же мха, древесной коры и листьев, но те решительно отказались задерживаться в его желудке. Хоть Полулунок и не подвал вида, что обеспокоен, мысленно он начала соглашаться с Бальтазаром. Его ночные сны вновь наполнились образами обитателей Бобровой Заводи, которые так же визгливо, как Силагон, укоряли его в безрассудстве. Даже Уния из сновидений кричала: «Дурак, сумасшедший уродец, так тебе и надо». Но чаще Халфмун просыпался не от кошмаров, а из-за оглушительного урчания животов – своего и Силагона.

В очередной раз взбираясь на дерево, чтобы свериться со звездой, Полулунок поймал себя на мысли, что Бальтазар не такой уж плохой спутник, если его можно съесть. О том, как лучше успокоить Силагона, Халфмун подумать не успел. С верхушки дерева он увидел то, на что уже не смел надеяться – огни города, до которых, казалось, рукой подать.

– Бальтазар, дружище, мы спасены! – Полулунок спешно слез с дерева и стиснул Силагона в объятьях. – Сон отменяется, там впереди огромный город! Если поспешим, то к утру будем на месте!

– Ура! Я знал, что какому-то глупому лесу не справиться с Силагоном! – Бальтазар просиял, хоть и был обессилен настолько, что последние несколько дней даже ни на что не жаловался.

Полулунок и Силагон шли всю ночь напролет, но то, что открылось им, когда они вышли из леса, привело их в изумление. Перед путешественниками определенно был город – они

видели очертания домов ис острыми шпилями и башенками. Но город этот находился за гладкой полупрозрачной стеной, конца и края которой не было видно.

– Как будто бы стекло, – Халфмун постучал пальцем по стене.

– И где же ворота? – Бальтазар растеряно хлопал глазами.

– Уж точно не наверху, – верхушка стены скрывалась за облаками.

– Я хочу немедленно попасть в этот треклятый город! – Бальтазар схватил с земли камень, формой и размером напоминающий лошадиную голову, и швырнул его в стену. Стена отдалась колокольным гулом, а камень отскочил от нее обратно в Бальтазара так, что он едва сумел увернуться. В том месте, где камень врезался в мутную гладь стены, не осталось ни малейшей трещины или царапины.

– Ого! – внезапная прыть Бальтазара удивила Халфмуна не меньше, чем прочность стеклянной преграды. – Пойдем вдоль стены и рано или поздно обязательно наткнемся на вход.

– Опаять идти, – простонал Силагон, но послушно поплелся следом за Полулуном.

Поиски ворот оказались куда более трудным делом, чем Халфмун мог себе представить. Лучи нещадно палившего солнца отражались от стены и раскаляли воздух так, что он дрожал и плыл, как жидкое масло. За мутной стеной иногда виднелись силуэты людей, но докричаться до них оказалось не проще, чем пробить стену камнем. Моховой сок давно закончился, но Полулунок не хотел останавливаться раньше, чем отыщет вход. Солнце пошло на закат, но и силы путешественников к тому времени были на исходе.

– Я больше не... – Бальтазар тряпичной куклой повалился на землю, глаза его закатились, а из пересохших растрескавшихся губ послышался хрип.

– Держись, я уверен, еще чуть-чуть, и мы дойдем, – Халфмун и сам едва стоял на ногах. Вместо того, чтобы упасть рядом с Силагоном, он поднял его, взвалил себе на плечи и пошел дальше.

– Нет. Входа нет, – пробормотал Бальтазар.

– Бобрам на смех, не может такого быть.

– Камень, камень, входа не существует, – эти слова Силагона Полулунок сперва принял за бред, но тут его взгляд наткнулся на камень, похожий на лошадиную голову. Сомнений в том, что они обошли город по кругу и вернулись туда, откуда начали, не осталось.

– Вот теперь можно начинать паниковать, – мрачно усмехнулся Халфмун. Сил у него не осталось даже на то, чтобы вернуться в лес и надавить немного сока из мха. Полулунок опустил Бальтазара на землю, сел рядом с ним, привалившись спиной к остывающей в сгущающихся сумерках стене, закрыл глаза и приготовился уснуть навечно.

Погружаясь в оцепенение, Халфмун прислушивался к себе. Он ждал, что услышит, как его сердце замедлит свой ход, кровь, шумящая в висках, смолкнет, и не останется ничего, кроме тишины. Однако вместо этого до слуха Полулунока стали доноситься потрескивания и короткие щелчки.

«Так вот как звучит смерть, – подумал Халфмун. – Как костер. Получается, что умереть – это сгореть изнутри».

Звуки стали громче, и к ним прибавился запах жарящегося на огне мяса.

«Странно, что у смерти не холодное пламя. Иначе с чего бы мертвецам коченеть? Но я ощущаю запах своих горящих внутренностей, не чувствуя ни жара, ни боли. Должно быть, я уже умер» – решил Халфмун. В этот момент у него зачесался нос, и Полулунок утер его тыльной стороной ладони. Секунду спустя, сообразив, что у мертвецов в носу не свербит, юноша распахнул глаза. В ночной темноте он отчетливо увидел мерцающий свет на кромке леса.

Не сумев встать на ноги, Полулунок пополз к огню.

- Есть... Пить... – прохрипел он, вползая в пляшущие на земле отблески костра.
- Ядерная грыжа! – сидящий у костра человек испуганно отпрянул от Халфмуна.
- Умоляю...

– А это... Нету у меня ничего, ага. Совсем ничего нет, – человек проворно схватил закрепленный над огнем прут и спрятал его за спину. – Хотя, если у тебя найдется что-нибудь для меня, то и я кое-что отыскать сумею.

- Желание... любое... знаю, как выполнить...

– Сказочки, хе-хе. Думаешь, дурачка нашел? Я тебя напою, накормлю, а ты потом – фьють, сбежишь, и поминай, как звали.

– Клянусь... помогу исполнить... любое... желание... – Халфмун прилагал титанические усилия, чтобы оставаться с сознанием.

– Вот заладил-то, – человек покачал головой. – Правда, желание у меня имеется. Эх, всегда я из-за своей доброты страдаю. Но если обманешь, то я с тобой такое сделаю, что... что лучше тебе не знать.

Человек вытащил из-за спины прут, снял с него кусочек неведомой пищи и вложил в рот Полулунока. После того, как Халфмун жадно проглотил кусок, человек приложил к его губам флягу и дал сделать один глоток мохового сока.

– Там у стены мой друг, ему тоже нужно хоть немного еды и воды, – Полулунок попытался встать с земли, но не смог. Он чувствовал себя лучше, но все равно был еще слишком слаб.

- Я тебе что, харчевня ходячая что ли? – возмутился человек.

– Он... – Халфмун припомнил хвастливые слова Бальтазара. – Он из рода Силагонов – самого славного и богатого рода города Красвиля. Силагон владеет несметными сокровищами и не останется в долгу. Его благодарность за помощь будет царской.

– Вот ведь ядерные чудеса, – человек присвистнул, его глаза заблестели в свете огня. – Исполнители желаний и благородные богачи тут, знаешь ли, не часто встречаются. Ладненько, милосердие – мое второе имя. Но если твой дружок меня не отблагодарит, то вам обоим было бы лучше... вот.

Увидев, как человек, крихтя и ругаясь, подтащил Бальтазара к костру, Полулунок провалился в темное безвременье сна.

Утром Халфмун проснулся от голоса, прокаркавшего ему в ухо: – Солнце уже высоко, пора платить за гостеприимство.

Открыв глаза, Полулунок увидел, что над ним склонился вчерашний спаситель. Кожа его безволосой головы была цвета болотной ряски, а из макушки торчала большая кружка с тремя кривыми ручками.

– Только без глупостей – твой ножик у меня, так что не советую рыпаться, – Халфмун почувствовал прикосновение прохладного металла к своей шее.

Зевнув, Полулунок коротким движением схватил зеленокожего за руку и вывернул его запястье так, что нож выпал на землю.

- Ууу, ядерный обманщик! – взвыл зеленокожий.

– Меня зовут Халфмун Полулунок. И если я поклялся помочь исполнить твоё желание, то так я и сделаю. Только больше не трогай мои вещи, а то руки тебе переломаяю.

– Прошу прощения, просто так уж случилось, что сейчас никому нельзя верить на слово, – растирая запястье, прошипел зеленокожий. – Меня зовут Трехручка. А твой друг – он и вправду богатей?

– Это истинная правда. Я, Бальтазар Силагон, принадлежу самому богатому, уважаемому и славному роду Красвиля, – из-за спины Трехручки показался Бальтазар с гордо задранной носом.

– Вот и славненько, господа, – заулыбался Трехручка. – Я очень рад нашему миленькому знакомству. Чтобы не омрачать его всякой чепухой, я бы хотел получить обещанное мне исполнение желания и царскую благодарность, и больше не тревожить вашенькие сиятельства.

– Обсудим это за завтраком, – ответил Халфмун, перекидывая урчанье собственного живота.

Трехручка развел костер, достал прут и принялся насаживать на него куски бледного мяса.

– Что это? – с подозрением спросил Бальтазар.

– Сейчас покажу. Только не шумите, – отойдя на несколько шагов от костра, Трехручка очистил землю ото мха и приложился к ней ухом. После минутного сосредоточенного вслушивания, он запустил пальцы в рыхлый влажный грунт и вытащил из него толстого червя с огромным количеством ножек.

– Мы это... ели? – глядя на извивающегося червяка, Силагон позеленел так, что стал походить на Трехручку.

– Извиняйте, ваше благородство, но в тутошних лесах из съедобного только сырицы водятся, – ответил Трехручка и с хрустом отгрыз многоножке голову.

– Жарь уже, раз такое дело, – сказал Халфмун, чье чувство голода было многократно сильнее отвращения. – А пока жарить, расскажи, что это за город такой без входа и выхода.

– О! Это Экстраполис – лучший из городов, – Трехручка пристроил прутик с мясом сыриц над огнем и мечтательно прикрыл глаза. – В Экстраполисе не едят сыриц. Там есть такие штуки, которым достаточно сказать, какое блюдо желаешь, и оно тут же появляется в специальном шкафчике. Еще там не приходится гнуть спину. Для всех работ существует целая туча штук от вот такусеньких до огромных. Нужно лишь приказать одним штукам, и они сами землю вспашут, семена посеют, воды для полива натаскают, а потом и урожай соберут. Другие штуковины одежду шьют, третьи дома строят, четвертые любые болезни лечат, пятые за чистотой и порядком следят. Да и это не все. В Экстраполисе даже ноги утруждать нет смысла – самоходные телеги куда надо тебя в лучшем виде доставят. Погода там никогда не бывает плохой – ни холода, ни жары, ни дождя, ни снега. Всегда сплошь тепло и уют. И горожане там счастливее всех, никаких бед не знают, ни в чем нужды не испытывают. Знай себе удовольствия получают, представления всякие смотрят, музыками наслаждаются и живут по сотне лет.

– Вот уж сказка, так сказка, – усмехнулся Халфмун. – Впрочем, немудрено, что ты таких басен насочинял. Все равно ведь в Экстраполис не пройти, значит, и проверить бредни твои нельзя.

– Ядерная чушь! – взвизгнул Трехручка. – Я родился в Экстраполисе и все-все о нем знаю. Город накрыт сплошным колпаком, как тот, что у тебя на голове, только в тысячи тысяч раз больше, но дорога в него есть. Она идет под землей через глубокий колодец, который переходит в длиннющий каменный лаз.

– К чему же уроженцу столь славного города покидать его? – удивился Силагон. – Не хочу никого оскорбить, но не разумнее было бы вернуться в Экстраполис, чем питаться этими э... сырицами?

– Верно подмечено, господарик. Но тут заковыка имеется, – Трехручка вздохнул. – Колпак стеклянный, что над городом, не сам вырос. Давным-давно, когда меня и в помине не было, стоял Экстраполис, открытый всем ветрам. И создали тогда тамошние жители самую огромную штуковину из всех, такую, какая могла бы им солнце и днем и ночью заменять, да ветра в нужную сторону разворачивать. Выкатили они ту штуку на высокую гору, приказали ей работать, а она возьми, да разлетись на мельчайшие детали. И это еще не вся беда – вместе с частями из штуковины облако такой гадости вылетело, что все живое от него сразу передохло – и люди, и

звери, только мох, деревья, да сырицы остались. Пока облако двигалось к Экстраполису, люди успели город под колпаком спрятать.

– Смею заметить, что облака имеют обыкновение двигаться отнюдь не медленно, – Бальтазар поднял указательный палец и ткнул им в небо. – Видите то облачное образование? Пару минут назад оно возле горизонта было, а теперь уже к солнцу подплывает. Как же досточтимым гражданам Экстраполиса удалось столь шустро соорудить обозначенную куполообразную конструкцию с размерами, поистине поражающими воображение? Тут, простите меня за проявленную проницательность, я могу узреть явные признаки выдумки. Ведь не по волшебству же город в считанные минуты под колпаком изволил скрыться.

– Еще раз кто из вас, господариков, намекнет, что я сыриц на уши вешаю, живо тот без ушей останется, – огрызнулся Трехручка. – Купол – вот он стоит, смотри на него, хоть пока глаза не сломаешь. И что быстро его состряпали, каждый в Экстраполисе знает – эта история поколениями передается. Как нашим паренькам строителям так подшустрить удалось, то вам не понять. Вы телеги-то хоть самоходные видали? Нет? То-то и оно, мозгов у вас не хватит, чтоб такую мощь умственную, смекалку и рукастость вообразить. Что до колпака, то хоть и поторапливались горожане изрядненько, все равно малость опоздали. Что-то от облака того, будь оно неладно, все-таки под колпак успело просочиться. Стали в семьях тех, кто заразы глотнул, но не помер, дети уродливые рождаться.

– Поэтому ты такой зеленый? – спросил Полулунок.

– У кого-то на голове стакан с двумя ручками оказывался, а у кого и с тремя, – продолжил Трехручка, словно не слыша вопроса Халфмуна. – Таких детей горожане из Экстраполиса по каменному ходу и дальше через колодец выносили и в мертвом лесу бросали. Боялись, что заразу того облака дети эти им передать могут. Они там же и мусор выбрасывают, потому что колпак-то не резиновый. Я зла на них не держу – в том мусоре и одежда приличная попадает, и еда хорошая, но, ядерный чертополох, вернуться в Экстраполис хочу – слов нет. Вот это мое желание, господин исполнитель, и прошу выполнить прямо сейчас или еще раньше.

– Не понимаю, какая тебе помощь нужна, – жуя поджарившуюся сырицу, сказал Полулунок. – Раз ты знаешь, где находится колодец, лезь в него – и дело с концом.

– Так не выйдет. Колодец такие штуковины сторожат, что меня с моими тремя ручками ни за что не пропустят. Как-то один парень с двумя ручками попытался мимо них пробежать, так штуковины ему ручки вместе с головой оторвали. Поэтому, господин Полулунок, оплатите за мою щедрость, сделайте так, чтобы я нормальным стал и в Экстраполис родной вернулся на правах уважаемого гражданина.

– Твое желание я выполнить не могу, но...

– Обманщик! – Трехручка вцепился в горло Халфмуна, и, чтобы стряхнуть его руки, юноше пришлось отвесить зеленокожему довольно сильный удар в ухо.

– Я говорил, что не сам исполню, а помогу исполнить твоё желание, – откашлявшись, сказал Полулунок. – Мы с Бальтазаром как раз направляемся к волшебнику. И, если больше не будешь тянуть ко мне свои зеленые грабли, можешь пойти с нами.

– Ядерная несправедливость, – проворчал Трехручка, держась за ухо. – Но благородный господин Силагон не станет откладывать на потом царскую благодарность?

– Что? А, да, само собой разумеется, – Бальтазар встал и с важным видом положил руку на плечо Трехручки. – Дорогой э... Многоручка! Приношу тебе царскую благодарность за твои благие поступки, стремления и так далее, и тому подобное.

– И это все? – от ярости глаза Трехручки полезли на зеленый лоб. – А сокровища? А несметные богатства?!

– Да-да, конечно, – Бальтазар небрежно кивнул. – Будет тебе сокровищ столько, сколько э... в, общем, много, да. Но это все потом, когда доберемся до волшебника и обратно вернемся.

А то, понимаешь ли, путь нам предстоит неблизкий и опасный – сокровища в такие путешествия с собой брать крайне неблагоприятно.

– Ну, господа хорошенькие, если вы меня попытаетесь обмануть...

– Полдня уже лясы точим, – перебил Трехручку Полулунок. – Пора в дорогу собираться. Я пока мохового сока отожду, ты налови побольше сыриц, а Бальтазар... Бальтазар пусть отдохнет хорошенько, чтобы мне его не пришлось на руках таскать, как вчера.

5

Колпак Экстраполиса остался позади, а лес сменился голой выжженной солнцем пустошью.

– Вот тут то облако из большущей штуковины и обосновалось, – сказал Трехручка. – Даже деревья со мхом передохли.

Более жуткого места Халфмун не видел – желтый песок под ногами, бесцветное небо до самого горизонта и нестерпимая жара. Радовало Полулунок только то, что они с Трехручкой заготовили сока и жареных сыриц на много дней вперед.

– Мы обречены на смерть? – устало поинтересовался Бальтазар.

– Сначала богатства обещанные отдай, а потом будешь помирать и вообще делать, что хошь, – Трехручке, тащивший половину припасов, покосился на Силагона, идущего налегке. – Через день пути речушка должна быть. Говорят, за нее облако не перебралось.

– Надеюсь, так оно и есть. Даже если об этом говорят люди, верящие в самоходные телеги и в чудесные штуковины, выполняющие любую работу, – сказал Халфмун и ускорил шаг.

Следующим утром Полулунок, Бальтазар и Трехручка уперлись в водную преграду. Перед ними оказался поток, бурлящий и клокочущий между двумя крутыми берегами.

– Речушка, говоришь? – спросил Халфмун.

– Да мне почем знать? Я тут отродясь не бывал, – Трехручка пожал плечами. – Была бы свалка Экстраполиса здесь – тогда конечно, познакомился бы с этим местечком поближе.

– Друзья, я тут совершенно внезапно подумал, насколько прекрасно, что судьба свела нас вместе, – благостно улыбаясь, Силагон приобнял Трехручку и Полулунок.

– Да и так понятно, что ты плавать не умеешь, – Халфмун стряхнул с плеча руку Бальтазара. – Только такую стремнину не то, что человеку, – ни одному бобру не переплыть.

– На меня не смотрите, я этих ваших речушек в глаза не видывал, – сказал Трехручка. – Вот вы тут все такие из себя благородные – вам и придумывать, как через этот ядерный термояд переправляться.

– Если поток здесь такой шустрый, выше по течению должен быть порог, – Халфмун вспомнил, как отец рассказывал ему о строительстве запруд. – Если повезет и порог каменистый, мы сможем перейти.

Догадка Полулунок оказалась верной – поднявшись вверх по течению реки, путешественники увидели порог, оскалившийся огромными валунами, сквозь которые, пенясь и завихряясь, бежала вода. Перескакивая с камня на камень, Халфмун быстро перебрался через реку. После бесконечных прыжков по болотным кочкам это показалось ему детской забавой.

– Эй, что вы там застряли? – крикнул Полулунок Бальтазару и Трехручке, топчущимся на другом берегу.

– Я с сожалением вынужден отметить, что эти камни слишком скользкие, а это существенно увеличивает риск падения с последующей гибелью, – ответил Силагон, с ужасом глядя на водопад.

– Во-во, ядерно увеличивает, – поддакнул Трехручка.

Халфмун представил себе, как Бальтазар и Трехручка поскальзываются на мокрых валунах, шлепаются в воду и, вереща и нелепо размахивая руками, стремительно уносятся течением. Усмехнувшись мысленному видению, Полулунок отогнал его.

– Ладно, бобер с вами, пойдем искать тихий брод.

Поиски брода заняли весь день. Зато на пороге сумерек, когда он был найден, Халфмун с величайшим удовольствием искупался в спокойной кристально чистой воде, а после выстирал свою одежду.

– Вы бы тоже сполоснулись, – предложил он своим спутникам.

– Не вижу в этом абсолютно никакой необходимости, – поморщился Бальтазар.

– Во-во, и я вообще не вижу, – согласился Трехручка.

– Тогда спать ложитесь подальше от меня, – сказала Полулунок. – Уж больно сильная от вас вонь.

Ночью Халфмун спал крепко и безмятежно, впервые за много дней не мучаясь ни животом, ни сновидениями.

Долина за рекой разительно отличалась от предшествующей ей мертвой пустоши. Тут щедро колосились травы, цвели многочисленные кустарники, над которыми порхали бабочки и стрекозы, в кронах деревьев заливались птицы. На глаза путешественникам попадались олени с пятнистыми оленятами, лоси с тугими боками и круглые кабанчики. Заметив людей, животные не проявляли беспокойства, в отличие от Силагона.

– Гигантский бобер, о котором говорил Халфмун! Монстр собирается напасть! Спасите! – завопил Бальтазар при виде белки. До этого он своими криками уже успел спугнуть всех зверей, на которых Халфмун рассчитывал поохотиться.

– Не ори, если хочешь, чтобы сегодня на ужин у нас были не сырицы, а нормальное мясо, – прошипел Полулунок, увидев в зарослях очередного кабана. И ему действительно удалось подкрасться к кабану и всадить нож в основание толстой шеи. Но только после того, как Трехручка по его просьбе зажал ладонью рот Силагона.

После ужина из жареной кабанятины и ночевки на ароматных луговых травах настроение поднялось у всех, а Бальтазар даже перестал бояться бурундуков и полевых мышей. «Советую вам проявить благоразумие и отступить» – говорил он неразумным грызунам.

Несмотря на то, что долина казалась бескрайней, Халфмун получал удовольствие от путешествия по ней. Ему представлялось, что там, сразу за линией горизонта, он найдет северного волшебника, заполучит такой стакан, о каком в Бобровой Заводе никто и мечтать не мог, и заживет полной жизнью. Трехручка и Бальтазар тоже были бодры и преисполнены надежд.

– Пожалуй, я бы остался в этой долине, – как-то раз сказал Трехручка. – Ну, в смысле, если б тут Экстраполис стоял. Нету ничего лучше Экстраполиса.

– Странное дело. Если детей с уродством выкидывают на помойку, как тебе удалось так много узнать об Экстраполисе? – спросил Полулунок.

– Я десять лет прожил в роскошествах Экстраполиса, – Трехручка гордо похлопал себя по зеленой груди. – Мама и папа сразу смекнули, что путь мне на помойку, но этакий расклад им не по вкусу пришелся. Мои старики важные были, они и мне такое важное имя дали – Трехстримегистратис. И сильно важно воспитывали – говорили, что важному мальчугану шляпу носить нужно изо дня в день. И ни в коем случае ни перед кем ее не снимать, потому как из-под снятой шляпы вся важность мигом улетучивается. Десять лет я в той шляпе ходил – она с резинкой была, что за подбородок цепляется. Но однажды к нашему дому подкатил

главный управитель Экстраполиса. До сих пор не знаю, чего ему нужно было. Только я портки спустил и зад ему показал, а потом в таком благородном жесте присел, коленки подогнув, и э... как же оно называется, это движение?

– Предполагаю, что речь идет о реверансе, – подсказал Силагон.

– Во-во, – обрадовался Трехручка. – На глазах этого главного я такой реверанс устроил, что у него чуть пар из ушей не попер. А в конце я сделал, как артисты поступают – поклонился и шляпкой зрителям помахал. Вот и вся история. И не зовет меня теперь никто Трехстримегистратисом, а лишь Трехручкой погоняют.

– Значит, если бы ты не снял шляпу и не показал свой уродливый стакан... – начал Бальтазар, но Трехручка не дал ему договорить.

– Я сейчас, ядерная кулебяка, башку с твоей дохлой шеи сниму! – зеленокожий вцепился в горло Силагона и не отпускал его до тех пор, пока Полулунок не выдал ему порцию тумачков.

– Мне чрезвычайно отвратно путешествовать в такой компании, – продышавшись, заявил Бальтазар.

– За словами следи, благородие вшивое, – огрызнулся Трехручка.

– А вы знаете, почему бобры долго живут? – Халфмун вытащил нож из-за пояса, погладил лезвие, засунул его обратно и сам ответил на свой вопрос. – Потому что язык за зубами держат.

Хоть еды и воды хватало вдоволь, путешественники обрадовались, когда долина вывела их к поселению.

– Не Красвиль, конечно, но есть некое очарование в этой примитивной хозяйственности, – сказал Силагон, глядя на приземистые бревенчатые домики, сарайчики, аккуратные грядки и возвышающуюся над ними огромную ветряную мельницу.

– Во-во, чую, есть здесь, чем поживиться, – Трехручка потер руки.

– О! Привет, чужестранцы! – внимание Халфмуна и его товарищей привлек голос, раздавшийся из ближайшего домика. На крыльце сидел крошечный улыбающийся человечек с аккуратной рюмкой на голове. Если бы не длинная седая борода, его можно было бы принять за ребенка.

– Здравствуйте, – сказал Полулунок, Силагон кивнул, а Трехручка расшаркался в нелепом реверансе.

– На праздник к нам в Виргинию прибыли? – спросил человечек и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Да, долго же все мы ждали такого события! К нам уже и из Брукхола, и из Вольни, и даже из Мупляшек гости приехали. Наконец-то мы покажем этим...

– С кем это ты тут болтаешь, Бублик? – за спиной бородатого человечка появилась облаченная в серую хламиду огромная фигура, на фоне которой он выглядел как виноградина рядом с арбузом.

– Мергатройд, милая, я привечаю гостей, – Бублик нервно рассмеялся. – Рассказываю им, какая большая трагедия постигла нашу бедную Виргинию.

– А коз ты подоил, яблоки собрал, малышу пеленки выстирал и отхожий котел вычистил, чтобы бездельничать? – пророкотала Мергатройд, чью голову венчала корона из щепок.

– Сию минуту, – пискнул Бублик и шмыгнул прочь, словно мышь.

– Путники, не в добрый час довелось вам посетить нашу чудесную Виргинию, – Мергатройд горестно вознесла руки к небу, от чего ее груди, похожие на мешки с мукой, ударились друг о друга. – Сегодня тьма и грязь сгустились над этой благодатной долиной, и мы обязаны разогнать тучи, убрать нечистоты и вернуть самое дорогое – чистоту и праведность.

– Ты что-нибудь понимаешь, умник? – Трехручка тихо спросил Бальтазара.

– Я все понимаю, глупыш, – шепотом ответил Силагон. – У них тут э... день сбора налогов.

– Мы пришли издалека и не знакомы со здешними традициями, – сказал Халфмун, незаметно ткнув локтями в бока Бальтазара и Трехручки. – Может быть, вы сможете пролить э... немного света на наши темные головы?

– Третьего дня я, Мергатройд Третья, дочь Мергатройд Второй, внучка Мергатройд Первой, узрела среди дев славной Виргинии греховное зло злобствующего греха, поразившее самое священное, что есть у девы – ее стакан, – возвестила Мергатройд и замолкла.

– Звучит очень э... серьезно, – прервал неловкое молчание Полулунок.

– Это более чем серьезно! – от голоса Мергатройд зазвенели стекла ее дома. – Дева Селия из рода Кардиганов утратила целостность своего головного стакана до священной церемонии бракосочетания пред лицом главенства Виргинии и ее добродетельных жителей.

– Ты все еще понимаешь? – шепнул Трехручка.

– Конечно, дурак, – прошипел Силагон.

– Смыть позор внебрачных осколков может лишь кровь, – продолжила Мергатройд. – Сегодня, в сей день скорбной печали, я как верховный пастырь всея Виргинии размозжу голову девы Селии каменным молотом, каким должна была бы разбить ее головной стакан при венчании ее и достойного ее честного избранника.

– Похоже, нелегкий у вас сегодня денек, – сказал Полулунок.

– Именно так, дети Создателя нашего, – Мергатройд склонила голову. – Но я надеюсь, что урок, который получит дева Селия, оградит от греха всех нас. Теперь же пришла пора поправить смертью жизнь греховную девы, навлекшую на благостный сей край гнев Создателя нашего, чьими детьми мы все являемся.

Мергатройд скрылась в доме, но вскоре вновь появилась на пороге, держа в руке гигантский каменный молот.

– Чем благословляю, тем и караю, – Мергатройд взмахнула молотом так, что у Халфмуна, Бальтазара и Трехручки стаканы зашевелились на головах.

– Следуйте на главную площадь, да свершится правосудие Создателя нашего, – с этими словами Мергатройд ушла.

– Нет, ты правда понял, что тут за ядерный куралес творится? – проводив Мергатройд взглядом, спросил Трехручка.

– Праздник сегодня, парни! – из дома выскочил сияющий Бублик. – Наконец-то хоть одна из этих тварей получит по заслугам! Уж лет двадцать, как во всех грехах мужиков винили, а тут на тебе – бабенка проштрафилась, хи-хи! Так пойдем же, пойдем скорее, посмотрим, какого цвета у нее мозги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.